

**Клуб
Красная площадь**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«Красная площадь»
13 января 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ГЛОБАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ: РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**Москва
2006**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
13 января 2006 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ГЛОБАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ: РЕТРОСПЕКТИВА
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**Москва
2006**

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Делягин

Социально-экономическая программа будущей революции 3

Дмитрий Андреев

Последний шанс Путина, или Превентивная «бархатная революция» 8

Александр Неклесса

Поражение России 19

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА БУДУЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Постепенное осознание российским обществом неизбежности революции поставило в повестку дня вопрос о комплексной программе конкретных социально-экономических преобразований, необходимых для модернизации и, в конце концов, простого выживания страны, но при этом категорически неприемлемых для правящей бюрократии и потому не осуществимых в рамках сложившихся политической системы и государственного механизма.

Возникновение настоятельной общественной потребности подтверждается множеством разнообразных попыток создания такой программы, предпринятых в последнее время представителями самых разных политических и общественных групп.

Вместе с тем эта программа должна отражать не столько выдающиеся (интеллектуальные, прогностические, пропагандистские, литературные и иные) качества ее автора, сколько реальную потребность общества в решении тех или иных задач. Поэтому автор тех или иных идей заслужит согласие общества, лишь когда сумеет выразить не свое собственное мнение, но мнение своих сограждан.

О качестве сегодняшних политиков как оппозиционных, так и официальных и, в частности, об их отношении к своему народу наиболее полно и убедительно свидетельствует тот неоспоримый факт, что именно такой, единственно нужной России программы ими пока и, по всей видимости, уже так и не выдвинуто.

Чтобы восполнить этот зияющий пробел, следует определить основные особенности нашей будущей революции, которые определяют ее характер и, соответственно, программу.

КАКИЕ ЗАДАЧИ РЕШИТ НАША РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЧЕМУ ОНА НЕИЗБЕЖНА

Суть созданного президентом Путиным режима заключается в полном освобождении государства как целого и образующих его чиновников от какой-либо ответственности, в том числе перед населением. Бюрократия получила полную свободу произвола в обмен на демонстрацию формальной лояльности (причем даже не государству, а личности, ибо никаких общих целей это государство выработать не хочет, да и не может). Демократия как институт принуждения государства к ответственности перед обществом практически искоренена.

В то же время авторитарная модернизация невозможна в принципе, так как требует ответственности элиты перед обществом, что органически недоступно нынешней элите, сформировавшейся за счет осознанного разрушения и разграбления собственной страны.

Возник симбиоз либеральных фундаменталистов, отбирающих деньги населения в пользу бизнеса, и силовой олигархии, отбирающей эти деньги у бизнеса для непроизводительного потребления. Эта экономика носит несравнимо более «самоедский» характер, чем советская, и в принципе не способна к саморазвитию.

При этом масштабы растущих аппетитов силовой олигархии (уже в 2004 году достигавших 25% оборота ряда крупных коммерческих предприятий) не позволяют развиваться большинству видов бизнеса.

В аппарате наблюдается жесткий «отрицательный отбор», так как концентрация его на выполнении предельно простых функций грабежа и потребления объективно отторгает профессионалов, склонных к выполнению сложных функций и потому проигрывающих внутриэлитную и внутриаппаратную конкуренцию.

За последние три года путинская бюрократия стала в массовом порядке создавать проблемы «на ровном месте», вымогая у людей никому не нужные справки (которые при этом она же

и отказывается выдавать даже за деньги), забирая на бессмысленные военные сборы, создавая неразрешимые трудности при регистрации законных сделок и получении необходимых документов.

Об органической неспособности правящей бюрократии управлять чем бы то ни было и решать какие бы то ни было реальные задачи свидетельствует, например, ухудшение демографической ситуации. Президент говорит об этой проблеме непрерывно на всем протяжении своего нахождения у власти, проводя при этом весьма последовательную политику, направленную на уничтожение социального потенциала России. В результате в 2004 году сокращение населения ускорилось в 2 раза с 0,8 млн. чел в год до 1,7 млн.

Путинский режим не в силах свернуть с курса, ведущего Россию к всеобъемлющему системному кризису, который поставит под вопрос само ее существование. Опасность этого очевидна для всех.

Перерождение политической системы в военно-полицейский феодализм объективно предопределяет антифеодальный характер революции. Соответственно, и осуществлять ее будет широчайшая коалиция, своего рода Народный фронт, включающий в том числе и честную, искреннюю часть либералов, концентрирующуюся сейчас на преимущественно правозащитной деятельности.

Смыслом революции станет уничтожение класса «новых феодалов», силовой и коммерческой олигархии: эти слои должны быть возвращены в свое естественное состояние — офицеров специальных и правоохранительных органов и крупных предпринимателей.

КАК БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ НАША РЕВОЛЮЦИЯ

Ясно, что «революция свободы» 1991 года не закончена без «революции справедливости» и, строго говоря, является лишь ее преддверием. Смена власти в России будет отличаться от «украинского» варианта озлобленностью народа, исламским фактором и влиянием международного терроризма. Отличия от киргизского сценария тоже ясны — сопротивление уходящей власти и меньшая клановость общества, требующая наличие у революционеров привлекательных и хоть как-то проработанных идей.

Однако с практической точки зрения наиболее важен остающийся открытым вопрос о конкретных механизмах и сценариях смены власти, определяющих как масштабы потенциальных разрушений, так и последствия переворота для обычных граждан.

Прежде всего, маловероятно использование стандартного для переворотов последнего времени детонатора общенациональных избирательных компаний. После выборов последних 10 лет трудно представить, чтобы злоупотребления любого масштаба (или подозрения на них) при подсчете голосов были способны вызвать сколь-нибудь заметный протест даже при существенном внешнем «разогреве».

Кроме того, значимые политические силы готовятся к «моменту истины» во время избирательной кампании 2007/2008 годов — как все финансовые силы готовились к дефолту в октябре 1998 года. В итоге, работая в силу естественной конкуренции «на опережение», они объединенными усилиями приближают кризис до степени, неожиданной для каждого из них.

И, наконец, растущая на глазах неадекватность государственной бюрократии, скорее всего, просто не оставит ей времени даже до парламентских выборов.

Наиболее вероятный катализатор революционного взрыва — грызня различных группировок самой силовой олигархии за власть и контроль за ключевыми финансовыми потоками. Видимая неспособность определиться с будущей судьбой захваченного «Юганскнефтегаза» наглядно иллюстрирует способность этой грызни блокировать решения, важные даже для коллективного выживания силовой олигархии.

В силу особенностей корпоративной культуры эта грызня предусматривает не столько прямые удары по враждебным группировкам, сколько провоцирование их на самоубийственные действия без учета последствий последних для страны в целом. В результате ради возможности выплеснуть грязную воду вместе с чужим младенцем представители различных групп силовой олигархии, как представляется, вполне способны запалить собственный дом.

Общая неадекватность госаппарата представляет им для этого безграничное поле возможностей. Достаточно простой интенсификации уже объявленных социально-экономических реформ: некоторое ужесточение вводимых рамок, осуществление на практике потенциальных угроз, форсирование заложенных разрушительных механизмов, синхронизация различных дей-

ствий (например, ужесточения практики выселения неплательщиков и перехода на 100%-ю оплату услуг ЖКХ, что означает двукратный рост тарифов).

Каждая из существующих «групп влияния» с азартом будет пытаться представить своих конкурентов инициаторами реформ и, соответственно, подставить их под удар общественного негодования. Похоже, такой опыт уже наработан в ходе трагической «монетизации льгот», в первоначальном виде лишившей миллионы людей права передвижения (на общественном транспорте) в пределах собственного населенного пункта.

Дополнительным дестабилизирующим фактором, вероятно, станет использование контролируемых представителями власти экстремистских структур (от части скинхедов и жириновцев до специально создаваемых «штурмовых отрядов», в качестве зародыша которых можно рассматривать свежесозданных «нашистов», тренирующихся пока на избиениях журналистов и лимоновцев). Помимо запугивания интеллигенции, боевики, вероятно, будут своими действиями компрометировать оппозицию в ходе локальных беспорядков подобно тому, как антисемитский скандал вокруг письма группы депутатов использовался для дискредитации протеста против монетизации льгот в начале этого года.

Подобные забавы способны даже в нормальных условиях «раскачать лодку» до угрожающей амплитуды. Тем более они опасны сейчас, когда население запутано и озлоблено откровенно неадекватной политикой правящих ею изошренных специалистов по рекламе, испытывает кризис самоидентификации и деградирует по всем показателям от медицинских до интеллектуальных. Сложные хаотические игры силовых олигархов неизбежно приведут к полной утрате контроля за инициированными ими процессами.

Как это бывает, мы хорошо помним по распаду СССР: «свято место пусто не бывает».

Утраченные силовой олигархией рычаги управления будут перехвачены сначала их собственной агентурой и работающими «в поле» подчиненными, осознавшими неадекватность и слабость руководства и потому начавшими работать на себя, а затем представителями самостоятельных политических сил, первоначально действующими из-за кулис, при помощи разного рода марионеток.

Ни официальные ставленники Запада, ни выпестованные в различного рода политических теплицах вундеркинды не имеют в этой жестокой и не признающей правил борьбе каких шансов

Ударной политической силой станет молодежь, которую реформаторы лишили будущего, — как не получающие никакого реального образования студенты, так и маргиналы спальных районов. Ее будут хаотически направлять как различные группы силовой олигархии, так и пытающиеся использовать стихийный протест политические группы (не успевшие вызреть в полноценные партии из-за ускорения кризиса играми силовой олигархии), серьезные коммерческие структуры, оргпреступность (в том числе наркомафия) и, возможно, некоторые мусульманские диаспоры и «Хизбут-Тахрир», ставящая своей целью создание всемирного исламского государства.

Вероятно, расшатывание государства и дезорганизация может осуществляться также при помощи терактов, провоцирования межнациональных конфликтов и сепаратистских устремлений («ахиллесовой пятой» представляются с этой точки зрения Башкирия). Напомню: мы уже видели двукратный захват толпой женщин кабинета президента республики в составе Российской Федерации.

Тем не менее все разнородные силы будут действовать в едином идеологическом поле, созданным синтезом патриотических, социальных и либеральных ценностей, замешанным на жажде установления справедливых и упорядоченных межнациональных отношений и искоренении этнической преступности.

Наиболее вероятная причина срыва в системный кризис очередное безумное (и потому непредсказуемое, как дестабилизация банковской системы прошлым летом) асоциальное действие реформаторов. Силовые олигархи будут с удовольствием провоцировать их на «углубление реформ» и «последовательную либерализацию», мечтая, что вот теперь-то ненавистные «космополиты» наконец-то сломают шею. Логичным будет и подзуживание агентуры на организацию возможно более широких и разнузданных протестов, подавление которых докажет незаменимость силовой олигархии и обеспечит ей политическое доминирование.

Как обычно бывает при разложении полицейского аппарата, протесты выйдут из-под контроля. Возможно, мы увидим бандитизм и мародерство в стиле Киргизии; при этом жертвы среди протестующих будут отнесены на «зверства агонирующего режима» и приобретут, строго по Березовскому, «сакральный характер».

В условиях всестороннего разочарования и презрения к власти это станет переломным моментом. СМИ и молва (играющая в кризисных условиях исключительную роль) решительно встанут на сторону не способной определиться в силу своей разшерстности и потому привлекательной для самых разных слоев общества оппозиции. Власть превратится в символ осточертевшей, разложившейся и на тысяче примеров доказавшей свою общественную опасность бюрократии и будет растерзана (в наименее культурных центрах страны возможно, не только политически, но и физически).

В условиях хаоса власть захватит и удержит группа лиц, — возможно, случайная, — которой удастся обеспечить доминирование на центральном телевидении, опереться на силовые структуры федерального масштаба и выразить сначала словами, а затем и конкретными, пусть поначалу неизбежно неуклюжими, делами синтез патриотических, социальных и либеральных ценностей, уже давно осуществленный российским обществом.

Сначала ей придется лавировать между представителями различных оппозиционных сил, подчиняя или срамливая их друг с другом, но по мере стабилизации она будет избавляться от потенциальных противников с драконовски революционной простотой.

Существенно, что сейчас в России складывается управляющая система, вполне соответствующая задачам авторитарной модернизации. Проблема состоит в том, что нынешняя элита в силу принципиальной недоступности для нее ответственности перед обществом (ибо она стала элитой за счет его осознанного ограбления и разрушения) не способна провести эту модернизацию. В результате творцы (точнее, инстинктивные копиисты) управляющей системы, приспособленной для авторитарной модернизации, с маниакальным упорством пытаются применять ее в ненадлежащих целях организации массового грабежа. По степени разумности и эффективности это напоминает использование молотка для отвинчивания гаек.

При замене элиты, неизбежной в условиях системного кризиса, преграда для авторитарной модернизации исчезнет, и Россия возобновит процесс развития, прерванный национальной катастрофой последних 15 лет. По мере благосостояния начнет восстанавливаться и демократия.

Конечно, системный кризис страшен тем, что его можно и не пережить, но ширящееся осознание масштабов угрозы само по себе служит действенным «встроенным стабилизатором».

КАКИЕ КОНКРЕТНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ БУДЕТ ВЫДВИГАТЬ НАША РЕВОЛЮЦИЯ

1. Гарантировать каждому реальный прожиточный минимум — экономическое выражение права на жизнь. Превратить рождение каждого ребенка в «пропуск в лучшую жизнь».

2. Ограничить оплату услуг ЖКХ 10% доходов семьи.

3. Восстановить общедоступные, бесплатные для малоимущих системы качественного образования и здравоохранения и на их основе — человеческий капитал, в первую очередь здоровье общества.

4. Убрать бездомных детей с улицы, воспитать, вылечить и дать образование в стимулируемых государством семейных детских домах (в обычных только тем, на кого не хватит семейных).

5. Восстановить массовое общедоступное жилищное строительство с тем, чтобы в обозримом будущем обеспечить доступным отдельным жильем со всеми удобствами каждую семью.

6. Обеспечить сохранность и доходность пенсионных взносов, в первую очередь их инвестированием в долгосрочные модернизационные проекты под действенным контролем государства.

7. Модернизировать инфраструктуру, в первую очередь ЖКХ, железные и автомобильные дороги, энергосистемы. Восстановить связность территории России, отсутствие которой грозит распадом. Развивать конкуренцию в авиаперевозках для снижения их стоимости и появления класса сверхдешевых перевозок, как в ЕС.

8. Обуздать произвол монополий. Дать правительству право при резком немотивированном повышении цен возвращать их на прежний уровень до завершения антимонопольного расследования и выяснения вопроса о правомочности их повышения. Сделать полную финансовую прозрачность естественных монополий условием повышения цен и тарифов на их продукцию.

9. Создать эффективные механизмы управления госсобственностью в интересах общества и действенный финансовый контроль.

10. Вернуть России необходимые для ее прогресса внешние рынки, в том числе за счет восстановления необходимого для этого внешнеполитического влияния.

11. Оздоровить государство, обеспечить его ответственность перед обществом, каждого чиновника перед гражданами.

12. Уничтожить наркомафию и торговлю людьми (в первую очередь детьми и женщинами). Уничтожить за один месяц террористов (начиная с Басаева), не допускать активности националистических и религиозных экстремистов.

13. Очистить правоохранительные и силовые структуры от разложившихся и психически неустойчивых элементов.

14. Запретить разрушающий физиологическое и психологическое здоровье бизнес. Наказывать за лживую рекламу как за мошенничество.

15. Обеспечить полномасштабное и безоговорочное исполнение государством своих неотъемлемых обязанностей, включая: установление норм и правил; обеспечение безопасности (в широком плане от обороны до экологии и технических стандартов); стратегическое планирование; социальную помощь; решение необходимых обществу, но непосильных ему задач (включая развитие фундаментальной науки из-за непредсказуемости окупаемости и развитие инфраструктуры из-за долгосрочности окупаемости).

16. Восстановить единство общества, преодолев его разделение на чувствующих себя ограбленными и ограбившими. Наиболее прогрессивный инструмент взимаемый в рассрочку компенсационный налог с владельцев крупнейших приватизированных предприятий, погашающий нанесенный обществу ущерб.

Рассмотреть возможность возврата в госсобственность приватизированных предприятий, не развивавшихся и не модернизировавшихся, а только эксплуатировавшихся своими владельцами.

Рассмотреть возможность возврата в исключительную собственность государства природного сырья, включая богатства недр. Добывающие и перерабатывающие их компании работают с ними как с давальческим сырьем, их прибыль ограничена созданной ими стоимостью («стоимостью, добавленной обработкой»).

17. Восстановить единство общества, остановив нарастание межнациональных проблем, его разделение по этническому и религиозному принципам. Обеспечить доминирование в России русской культуры как образующей стержень государственности.

18. Обуздать коррупцию, установив, что добровольное признание факта дачи взятки освобождает давшего от ответственности, которая концентрируется на вымогающем взятку.

19. Установить, что чиновник любого уровня, уличенный во лжи при исполнении своих обязанностей другому чиновнику либо гражданам, немедленно увольняется и лишается права занимать государственные должности и руководящие должности в лицензируемых государством коммерческих организациях в течение пяти лет.

20. Расследовать реформы 1985-2005 годов с целью восстановления в обществе представлений о справедливости и наказуемости государственных преступлений, а также с целью наказания за преступления с неистекшим сроком давности (в том числе преступления против человечества), если таковые будут выявлены.

Именно эти требования и представляют собой объективную, выстраданную и продиктованную не отдельными политиками или партиями, но всем российским обществом социально-экономическую программу нашей революции.

г. Волоколамск, 9 мая 2005 года

Дмирий Андреев

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ПУТИНА, ИЛИ ПРЕВЕНТИВНАЯ «БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Где нет героя на престоле,
хотя бы в представлении народа,
там нет и правды, а только ее подделка
Мстислав Шахматов

«Бархатные революции» на постсоветском пространстве стали чем-то самым собою разумеющимся, неким атрибутом повседневности. Рассуждения о том, какой режим «слетит» следующим — белорусский, казахстанский или очередной среднеазиатский, — превратились в обыденные сюжеты текущей аналитики. Практически в открытую ведутся разговоры и о реальной возможности подобного сценария для России, причем не в 2008-м, а гораздо раньше, в обозримой перспективе. (Чего стоят на этом фоне сетования по поводу ужесточения цензуры и подконтрольности СМИ!) Очевидна и нервная реакция власти на такие пересуды. Режим пытается выстроить глухую идеологическую оборону. Директор ФСБ идет на рассекречивание (правда, лишь для думцев) закрытой информации о деятельности «внешних сил» по созданию на территории СНГ выгодных им режимов. Тем же самым — разве что с более выраженным, нежели у руководителя Лубянки, идеологическим креном — занимаются и различные прокремлевские издания и сайты. В жарком летнем воздухе стущаются предчувствия чего-то неотвратимого.

НОВЫЙ КЛАСС

На этом фоне самое время взглянуть на феномен «бархатных революций» с несколько непривычной точки зрения. Нет смысла оспаривать очевидные вещи: данный феномен имеет вполне определенного заокеанского «заказчика». Этот «заказчик» обустроивает на пространстве бывшего соцлагеря собственный плацдарм. Для чего — также совершенно понятно. Необходимо «поджимать» строптивую Западную Европу с Востока и создать надежный форпост для предотвращения любых поползновений из глубин Азии, в которой, того и гляди, возникнет чрезвычайно опасная для Старого Света (как, впрочем, и для Нового) исламо-индийско-китайская ось. Режимы, обеспечивающие господство старой социалистической номенклатуры, контролирующей рынок и процессы перераспределения собственности, плохо подходят для подобной роли. Они коррумпированы, а значит, неэффективны, неустойчивы и уязвимы. Фактическая же приватизация этими режимами в том числе и сферы реальной политики позволяет аргументировать их «сброс» высокопарной риторикой о правах человека и попрании демократических ценностей.

Все это понятно. Однако «бархатные революции» имеют и оборотную сторону. Сторону, как бы это ни выглядело парадоксально, плохо осознаваемую даже самим «заказчиком» и уж тем более действующими по его указке «революционерами». Эти «революции», по сути, являются завершающей стадией радикальной трансформации, которую переживает Запад с конца 60-х. В результате такой трансформации цивилизация Нового времени переродилась в качественно иной субъект с принципиально отличной системой ценностей, мотиваций, интеллектуальных практик и структур социального бытия. В политической же сфере данная тенденция проявилась в кризисе старой бюрократии, порожденной эпохой Модерна, и в начавшемся приходе к власти некоего нового класса¹. Знаковое начало данному процессу было положено «свержением» политического «тяжеловеса» и признанного патриарха французской военно-бюрократической машины генерала де Голля и приходом на его место литературоведа Помпиду.

Ситуация конца второго тысячелетия от Рождества Христова во многом напоминает в этом отношении его начало. Именно тогда в средневековой Европе и стала появляться бюрократия как таковая. Вассально-сюзеренные отношения плохо подходили для государственного строительства централизованных монархических режимов. Узы личного служения требовалось заменить профессиональной службой, или, точнее, службой профессионалов-бюрократов. Причем такие профессионалы не только выстраивали административную вертикаль власти, но и занимались ее интеллектуальным обеспечением. Спустя несколько столетий эти профессионалы, заключив союз с состоятельным «третьим сословием», опрокинули и сами монархические режимы, выступив опять-таки в качестве интеллектуальных лидеров буржуазных революций.

Наступившая эпоха Модерна стала временем абсолютного господства бюрократии. Даже утверждавшееся в ту пору на Западе гражданское общество оказалось, по сути, производной от бюрократической государственности. Мы привыкли рассматривать гражданское общество как некую альтернативу институтам власти, однако на самом деле оно явилось их естественным продолжением и дополнением. Ведь любой чиновник объективно заинтересован в автономизации пространства собственной компетенции. Постепенно властная вертикаль превращается из целостной системы в механическую сумму таких автономных пространств, каждое из которых имеет своих лоббистов в тех или иных сегментах гражданского общества. Последнее же оказывается вовсе не основой социального бытия, а, скорее, своеобразной ширмой, за которой заправляют клерки, медленно, но верно отдавляющие собственников от реальных рычагов власти.

Сама же бюрократия со временем также утрачивает ту свою особенность, которая вознесла ее еще в Средневековье на гребень политического процесса, а именно — способность к стратегическому проектированию и его интеллектуальному обеспечению. Чиновник начинает довольствоваться лишь собственным монополизмом в сфере принятия и реализации решений, но практически прекращает претендовать на причастность к их выработке. Сказывается недостаточная квалификация в социогуманитарной сфере: бюрократия перестает быть штучным товаром, ее производство ставится на конвейер. Отсюда — исчезновение самой мотивации к высокому проектированию, которое к тому же не дает такой скорой компенсаторной отдачи в материальной или статусной капитализации, как контроль над практической деятельностью на социальном или государственном поприще. Возникает осязаемая потребность в новой интеллектуальной «обслуге» бюрократии.

Минувший век со всей очевидностью продемонстрировал, что предпринимавшиеся на Западе многочисленные попытки вырастить новую бюрократию, способную обходиться без такой «обслуги» и самостоятельно действовать на уровне проектирования, оказались несостоятельными.

Обретя в эпоху Модерна свой исключительный статус, бюрократия не желала «разменяться» на то, что считала уделом «яйцеголовых». Да и сама практика администрирования становилась настолько дробно-специализированной, что исключала возможность какой-либо рефлексии по поводу общих очертаний того или иного социально-политического проекта.

Подобная интеллектуальная анемия оказалась присущей бюрократии даже ярко выраженных идеократических режимов — коммунистического и фашистского.

«Яйцеголовые» же тем временем, ощущая вопиющее несоответствие своей исключительной роли в проектировании будущего явно второсортному положению в обществе, смешным

профессорским зарплатам и исследовательским грантам, перешли в конце 60-х в наступление. Началась эпоха «бархатных революций», или, точнее (в удивительно адекватных описываемому процессу образах троцкистской теории), «перманентной бархатной революции».

Если уж быть до конца пунктуальным в определениях, то по-настоящему «бархатным» стало революционное вторжение во власть интеллектуалов в высокоразвитых странах Запада. В этом смысле парижские события 68-го оказались, видимо, наиболее «горячими» и выдержанными в лучших мятежных традициях французской столицы. А вообще-то этот процесс протекал подспудно. Просто в один прекрасный день Запад вдруг осознал, что очутился в качественно иной реальности, которую вряд ли корректно по-прежнему считать гражданским обществом, правовым государством и даже: капитализмом!

ВЛАСТЬ БЕЗ БЮРОКРАТИИ

Что же это за такая новая реальность? На сегодняшний день ей уже нашли разные определения — информационное общество, постбюрократическое общество, сетевое общество и т.п. Данный феномен представляет собой прежде всего отрицание капитализма как такового даже в его современном, изрядно социализированном в высокоразвитых странах Запада виде. Разумеется, такое отрицание происходит не по отработанным революционным сценариям XIX — XX веков, а становится вполне естественной ступенькой в развитии самого западного общества, переступившего за постиндустриальный порог и неожиданно попавшего в реалии совершенно новой — информационной — эпохи. Очевидна и та исключительная роль, которая уготована этой эпохой «яйцеголовым» — менеджерам инновационных технологий и проектов, дизайнерам «корпоративной культуры», деятелям «архипелага» паблик администрейшн, держателям информационных сетевых ресурсов.

Вот он — новый класс — своеобразная нервная система постиндустриальной цивилизации. Его главный ресурс — монополия на информацию, специфическая амбивалентная природа которой, являясь одновременно и товаром, и эквивалентом его обмена, обесценивает другой эквивалент, исправно выполнявший данную функцию на протяжении всей предыдущей истории человечества, — деньги. А значит, капитализму действительно приходит конец. Ведь в ситуации «перепроизводства информации» (несомненного для любого бродящего по пространствам глобальной паутины) функции регулятора спроса-предложения переходят от денег — феномена в общем-то демократичного вследствие отчужденности от тех или иных субъективных качеств и характеристик — именно к личностям, «яйцеголовым», способным в отличие от всех остальных отцеживать из квинтиллионов байтов информационного хлама действительно стоящие вещи. Индикатором принадлежности к новому классу как раз и является способность понимания того, что на сегодняшний день востребовано виртуальной конъюнктурой. Подобно тому, как в эпоху Модерна члены различных закрытых элитарных клубов выстраивали для профанов единое мотивационное поле, так и ныне новый класс диктует моду на вкус, стилистику, нормативы поведения и ценностные ориентации.

Понимание, в свою очередь, обеспечивает эксклюзивное потребление, маркирующее саму причастность к новому классу. Однако такое потребление не ограничивается лишь знаковой нагрузкой. Эксклюзивная жизненная стилистика капитализирует саму себя. Ведь представитель нового класса уникален как носитель той или иной информации именно в пространстве выстраиваемых им многоходовых цепочек связей и коммуникаций. Складывается сложная и многоуровневая система своеобразного бартера. Связи обретаются не за деньги, а лишь за возможность воспользоваться иными связями, эквивалентными по своей ценности или даже еще более эксклюзивными. Все зависит от способностей самого «яйцеголового». Он может оставаться в компании себе подобных. Или же, делаясь имеющейся у него информацией так, чтобы возникал интерес не только к ней самой, но и к преподносящей ее персоне, чтобы появлялось устойчивое желание снова воспользоваться тем же самым источником, выходить на более высокий уровень коммуникаций. Иными словами, принадлежащий к новому классу снимает прибыль со связанных с ним ожиданий. Утаивание ноу-хау в информационном обществе столь же абсурдно, как хранение денег в кубышке при капитализме. Эксклюзивность информации вовсе не означает ее закрытости: нет смысла прятать от непосвященных то, чем они все равно не в состоянии воспользоваться в силу своей ограниченности и некомпетентности.

Несмотря на то что капитализм и информационное общество представляют собой лишь разные версии культуры потребления, между ними пролегает непреодолимая пропасть. Обла-

дание властью все больше зависит не от направления финансовых потоков или степени государственного регулирования, а от креативности. Деньги занимают сугубо подчиненное положение, а скипетр власти оказывается в руках у тех, кто не обделен пониманием. Политика же, похоже, окончательно утрачивает собственную субъектность, обернувшись всего-навсего декорацией в «драматургии» нынешних СМИ. Ситуация оказывается обратной той, которую на рубеже 20 — 30-х годов минувшего столетия тонко зафиксировал Карл Мангейм, назвав «конвертацию всех проблем политики в проблемы администрирования» важнейшим и фундаментальным принципом бюрократического мышления. Прибегая к метафоре Мангейма, можно сказать, что сегодня, когда бюрократия низведена до сугубо исполнительского прикладного уровня, все проблемы политики конвертируются в проблему выбора нюансов интеллектуального потребления.

НОВЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Проще говоря, новый класс обеспечивает свое господство, производя определенные смыслы и стереотипы, транслируемые затем в подконтрольное ему общество. Пару десятилетий назад Пьер Бурдьё заметил, что в современном мире главный водораздел проходит уже не между левыми и правыми, а между теми, кто имеет политические взгляды, и теми, кто не может претендовать на право обладать таковыми. Данное высказывание как нельзя лучше соответствует реалиям сегодняшнего дня. Новый класс управляет, что называется, по тенденциям, косвенно производя те или иные мотивационные матрицы, определенным образом моделирующие и программирующие деятельностные и поведенческие установки ведомого социума. Теперешнему рядовому обывателю отнюдь не навязывается «сверху», какое решение ему принять. Такую задачу он выполняет самостоятельно, пребывая в полной иллюзии по поводу собственной субъектности. Новый класс, в свою очередь, благодаря повсеместному насаждению культуры утилитаризма, не только делает выбор подобного решения безальтернативным, но и контролирует его добровольность и осознанность.

По сути, получается новая версия общества потребления с той лишь только разницей, что само это потребление у нового класса — эксклюзивное, а у всех остальных — по-прежнему неограниченное, основанное на капиталистическом примате денежного эквивалента ценностей, а главное — соответствующее навязанным «сверху» стереотипам потребительской культуры.

Таким образом, возникшая в высокоразвитых странах новая социальная реальность отдает не просто тоталитаризмом, но фашизмом с его кастовостью, основанной на представлении об изначальной неполноценности (то есть неспособности к эксклюзивному потреблению) подавляющего большинства общества. А разве не тоталитарна безраздельно господствующая ныне на Западе религия политкорректности, не терпящая ни малейшего проявления инакомыслия? И не напоминает ли сегодняшний «корпоративистский ренессанс» что-то очень знакомое, уже единожды опробованное 60 — 80 лет назад? Иные руководители крупнейших компаний высказываются на этот счет предельно откровенно, называя свои «империи» «корпорациями верующих», «большими революционными семействами», «инновационными островами единомышленников». Религиозная риторика, апелляция к чувству корпоративного коллективизма, усиленное насаждение веры в «непогрешимость» фирмы и ее генерального курса — уж мы-то еще не успели забыть подобные «стимулы» к труду. Но сегодня все это вдруг возникает там, откуда нас многие десятилетия кряду уничижительно критиковали (и продолжают критиковать) за то, что сами ныне ставят во главу угла.

Поражает своей откровенностью и явный отказ даже от поверхностного эгалитаризма. Спор о преимуществах иерархического и сетевого принципов социальной организации уже неактуален. Иерархическое начало, устойчиво ассоциируемое с бюрократическим администрированием, списано в утиль. Сетевая структура объявлена наиболее оптимальной, соответствующей духу времени и потребностям дальнейшего развития. Однако созерцание основания и вершины пирамиды доступно любому, а вот информация о том, откуда начинается, где заканчивается и — главное — кем управляется сеть, — удел избранных. К тому же сегодня уже все чаще говорят о феномене «сетевых пирамид», в которых есть сети для избранных и для всех остальных. Это и понятно, ибо в топографическом ландшафте «сетевых пирамид» реальная власть трудно локализуема, а значит, и наиболее неуязвима и эффективна.

В итоге все три кита, на которых прежде покоилась цивилизация Модерна — примат права, гражданственность и классическая рациональность, — оказались в новой социальной ре-

альности Запада попросту «загарпуненными». Патернализм, свойственный «корпоративной культуре», существенно девальвирует правовые отношения. Сетевая социальная структура с пирамидальным оттенком окончательно дезавуирует мифологию гражданского общества. Наконец, сама картезианская основа европейского менталитета («мыслю, следовательно, существую») оказывается вывернутой наизнанку («потребляю, следовательно, существую»).

ИДЕОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОТИВ «БАРХАТНОГО» СУРРОГАТА

Таковы итоги «бархатной революции» на Западе. События же, прокатившиеся по Восточной Европе в конце 80-х и протекающие ныне на просторах СНГ, — всего лишь периферийные маргиналии с ярко выраженным заказным сначала антисоветским, а затем антироссийским содержанием. Антибюрократический пафос трансформировался здесь в борьбу с партийно-олигархической номенклатурой, отошедшей в тень на рубеже 80 — 90-х, а затем возвратившейся и взявшей в свои руки приватизацию госсобственности. Сходство же этой борьбы с классическими «бархатными революциями» лишь чисто внешнее, формальное. Хотя бы уже потому, что никакого нового класса в горниле их восточноевропейских аналогов никак не получается выпестовать.

На то много причин. Наиболее перспективные кандидаты в лидеры нового класса уже переместились на Запад и более не идентифицируют себя с прежними местами жительства. Оставшиеся или еще не уехавшие слишком зависимы от материальной неустроенности, чтобы включиться в серьезную политическую игру. Да и разобщены они гораздо больше своих западных коллег по цеху интеллектуального производства, а потому не способны к какому бы то ни было кумулятивному социально-политическому действию.

К тому же и главный энергетический заряд восточноевропейских «бархатных революций» — антисоветская/антироссийская направленность — плохо способствует высокому интеллектуализму. Ставка на инкорпорацию этой территории в единую Европу или иные геополитические проекты через «разогревание» жесткого этнократизма бесперспективна в реалиях СНГ, где прежний имперский интегратор — русская культура — все еще играет колоссальную роль. Правда, что действительно получается здорово, так это за сравнительно небольшие деньги срежиссировать «массовку», которая, собственно, и опрокидывает неугодный режим. Но в итоге к власти приходит та же самая прежняя номенклатура — из конкурирующего клана, а то и вовсе из второго или третьего эшелона. На этом и завершается вся «бархатистость». Главное, чтобы каждый последующий режим был более лоялен «заказчику», нежели предыдущий, свергнутый.

Существующая российская власть, несомненно, занесена в «проскрипционный список», и у нее нет будущего, ибо ей противостоит ярко выраженная глобальная тенденция — аккуратная и политкорректная на Западе, но разнузданная и оголтелая на восточной периферии Европы.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Может ли Россия избежать «бархатной революции», которая, очевидно, уже навсегда покончит с ее идентичностью и каталогизирует исключительно как территорию со значительными запасами газа, нефти, а также некоторых редкоземельных металлов?² Ответ на эти вопросы один. Плетью обуха не перешибешь. В одиночку выстоять перед накатывающейся общемировой волной ослабленная Россия не сможет. А вот развернуть превентивный революционный проект, способный распаковать национальную пассионарность и не допустить развязывания «бархатного» сценария по внешним рецептам, — вполне реально.

Тем более что уже не единожды Россия переиначивала на свой лад врывавшиеся в нее иноземные культуртрегерские проекты. Ведь в конце концов во многом благодаря заимствованному абсолютистско-просвещенческому антуражу России удалось преодолеть самые разные вызовы Нового времени — от образовательных до геополитических. А позже — под личиной, казалось бы, совершенно непригодного для такой цели иноземного марксизма выпестовать собственный уникальный мобилизационный проект, спасший страну во Второй мировой и не допустивший ядерной третьей мировой.

Итак — превентивная революция! С чего начать? Конечно, с проекта, с живой мысли, со свежей и незатасканной идеи. Ситуация здесь в настоящий момент крайне благоприятная.

Прежние водоразделы, дробящие политическое пространство на левых и правых, либералов и традиционалистов, стремительно утрачивают значение. Именно наличие или отсутст-

вие проектности является ключевым критерием оценки того или иного политика. А свойственная отечественному мировосприятию «кратоцентричность», как бы изначально делегированный власти ресурс ожиданий и готовность прозревать знамения замысла и промысла даже в самых малых и незначительных действиях лиц, облеченных высокими должностями, обеспечивают высокий рейтинг тем представителям управленческого ареопага, которые говорят понятные и содержательные вещи.

Иными словами, в обществе созрел запрос на идеократию. Собственно идеократия существовала у нас всегда. Более того, история наглядно свидетельствует о том, что как только ослабевала смысловая, идейная, мыслительная (то есть проектная по своей сути) доминанта режима, он приходил в упадок и погибал.

Самодержавная Россия и Советский Союз прекратили свое существование именно по такому сценарию. Да и ельцинский режим исчерпал себя именно тогда, когда после дефолта 98-го оказались окончательно похороненными слабые начинания по выстраиванию консолидационного проекта. Заявленные накануне выборов 96-го и худо-бедно продавливавшиеся в первые месяцы второго срока Ельцина, они просто перестали работать в условиях охватившей страну гиперинфляции и впоследствии сконцентрировались исключительно на напряженном поиске наследника. (Либерально-рыночная идеократия, обернувшаяся на практике номенклатурной приватизацией, исчерпала себя еще раньше.)

НИЩЕТА ТЕХНОКРАТИЗМА

После прихода Путина был заявлен новый идеократический проект — технократия. Точнее, проект этот был тогда провозглашен шиворот-навыворот: технократия преподносилась именно как альтернатива идеократии. Подобный взгляд на технократизм абсурден и несостоятелен уже в исходной своей посылке. Однако пять лет назад ситуация виделась иначе.

Само понятие технократии, его смысловое наполнение и идейный дизайн оформились на Западе в 60-е годы, накануне все той же «бархатной революции», в эпоху масштабного слома модернистских ценностей, когда очень многие цели и ориентиры оказались дискредитированными. Именно тогда у практической политики возникла насущная потребность в некоей альтернативе, выразившейся в искусном сочетании профессионализма и респектабельности, с одной стороны, и социального компромисса и здравого смысла — с другой. Из подобного запроса вытекала и претензия на внеидеологичность. Власть обязывалась чутко реагировать на любые перекосы баланса общественных сил и их интересов, а также обеспечивать и координировать поиск и реализацию приемлемых для подавляющего большинства решений. Иначе говоря, в основу технократизма закладывалась прагматика здравого смысла. Эта прагматика возводилась в ранг системообразующей основы жизни общества в целом и каждой конкретной личности в частности.

Однако сразу хочется спросить, а в чем заключаются критерии здравого смысла? Ведь политика — вещь очень сложная, она строится и на весьма тонких мотивациях, и на различных точечных символических акциях, и на образах религиозного мироощущения. Как все это вписывается в здравый смысл? Каким образом данную нематериальную сферу можно рационализировать и упаковать как некий политтехнологический прием?

Глеб Павловский в первые годы президентства Путина много и часто рассказывал о том, как был реализован проект «Преимник». По его словам, немало сил было положено на выстраивание эффективной «производственной цепочки»: политтехнологический пул — администрация президента РФ. Проблема, по сути, заключалась в отыскании оптимального языка коммуникации: чиновникам из кремлевской администрации надлежало четко, инструментально и директивно представить как руководство к действию идеи, соотносимые, скорее, с миром драматургии, нежели политики и уж тем более практики бюрократического делопроизводства. Проект во многом и состоялся благодаря тому, что креативным и прорывным мыслям политтехнологов была обеспечена профессиональная организационная инфраструктура с колоссальным административным ресурсом. Причем Павловский здесь именно противопоставлял отечественных «технократов» (самих политтехнологов и прекрасно с ними сработавшихся новых функционеров) старой бюрократии.

Данный рассказ мог бы стать блестящей иллюстрацией к сюжету из истории отечественного нового класса. Казалось бы, куда нагляднее: топ-чиновничество — всего лишь исполнитель замысла стремительно народившегося в 90-е годы нового класса и нашедшего себе при-

менение в остро востребованном консалтинге политического процесса. Однако проза жизни оказалась куда банальнее. Субъектно-объектные отношения в указанном тандеме сложились ровно наоборот. Топ-чиновничество выступило не просто как классический заказчик, но и как автор сценария и режиссер. Политтехнологическая услуга осталась всего-навсего хорошо оплачиваемым исполнителем, вдобавок еще и с советническими функциями. Пришло время, и бюрократия посчитала, что в состоянии самостоятельно, без привлечения дорогостоящей услуги справиться с прохождением выборных процедур. Количество последних год назад было значительно сокращено. Подавляющее большинство отечественных политтехнологов осталось не у дел, лишь немногим из них посчастливилось «легионерами» поучаствовать в провоцировании/предупреждении «бархатных революций» в Ближнем Зарубежье.

Таким образом, «призвания технократов» не произошло по причине их собственной несостоятельности. Причем эта несостоятельность очевидна не только у нас, но и на Западе. Цивилизация подошла к качественно новому состоянию. Виртуальность информационной эпохи окончательно хоронит классические субъектно-объектные отношения, переводя политику в принципиально иной регистр, в котором приоритет принадлежит не финансовым потокам или материальным интересам, а, скорее, стилевому своеобразию или эстетическому чутью на проектное мышление. На этом фоне вполне естественными и закономерными выглядят откаты от здравого смысла к прежней идейно-мотивационной «архаике». Яркий тому пример — недавние президентские выборы в США, на которых именно идеологические расхождения между республиканцами и демократами вдруг приобрели несвойственное обществу просперити значение.

Иными словами, технократическая мифология — даже в самых истоках — была рудиментом и последним пристанищем уходящего модернизма. У нас же подобная мифология заимствовалась к тому же еще и в качестве своеобразного «философского камня», способного обратить дикий компрадорский сырьевой рынок в социально ориентированную государственность. Такая постановка задачи изначально абсурдна, ибо технократизм возникал именно как способ преодоления наиболее одиозных и устаревших черт эпохи Модерна, а в России рубежа второго и третьего тысячелетий его вознамерились приспособить для прямо противоположной миссии — консервации именно модернистских основ социально-политической среды.

Технократизм на Западе — сугубо инфраструктурная оболочка гражданского общества. У нас же — сама суть политического процесса, своего рода альтернатива какой бы то ни было социальной самодеятельности. Поэтому вполне естественно, что технократизм, провозглашенный как некое новое слово в российской политике, стал всего лишь маскировкой завершающего этапа передела собственности в ситуации тотального паразитирования на сырьевой ренте. На этом фоне все остальные процессы играли просто обеспечивающую роль типа создания претендующих на внепартийность квазиидеологий, причудливо совмещающих консервативную и чуть ли не самодержавную риторику с жестким праволиберальным экономизмом эпохи первоначального накопления.

В итоге наш доморощенный технократизм, подобно многим другим заимствованным мифам и социальным практикам Запада, стал просто-напросто очередной слабой, недееспособной и неэффективной подделкой под оригинал.

Взять хотя бы даже сам образ верховной власти. Уж очень странным технократом выглядит президент Путин. Причем эта странность бросалась в глаза еще даже в пору его премьерства в статусе фактического наследника Ельцина. Тогда на фоне новой военной кампании на Северном Кавказе в пиаре Путина, безусловно, превалировала идеократическая семантика. Вместе с тем риторика самого Путина была сугубо технократической, апеллировавшей к правовым основам государственности, социальному компромиссу, профессионализму. И это при том, что реальная энергетика, которой накачивался образ нового лидера нации, проистекала из совершенно другого источника, скорее, даже вопреки собственным технократическим заявлениям Путина. Просто в нем тогда чувствовалось что-то нетривиально-героическое — казалось, похороненное общественным мнением в качестве характеристики первого лица в государстве.

Или вспомним, как президент позже, в 2000 — 2001 годах, боролся с неугодными олигархами. Вырисовывается та же самая картина: пропрезидентское информационно-пропагандистское обеспечение данной интриги шло чуть ли не наперекор массовым ожиданиям электората, видящего в антиолигархической акции отнюдь не соблюдение закона, а восстано-

ние попоранной справедливости. Кремлевская же мифоиндустрия и на этот раз совершенно проигнорировала реальный идеологический спрос общества, продолжая пичкать народ заскорузлой технократической риторикой.

В итоге на сегодняшний день российский технократизм трещит по швам. Яркое тому свидетельство — его поражение на недавних украинских выборах. Павловский по этому поводу очень точно заметил, что Россия здесь «сфокусировалась на механике выборов, но прозевала революцию». Данный факт представляется особенно обидным, если учесть то обстоятельство, что революции как масштабные мегасоциальные действия пассионарны лишь по форме, но технологичны по своей сути. Украинская оппозиция в отличие от ее пророссийских оппонентов готовилась не к выборам, а к своеобразному «проекту опрокидывания» — «взятию власти в форме выборов», «революции в упаковке сорванных выборов». Слова политолога бьют в самую точку проблемы: наш технократизм страдает отсутствием, пожалуй, самой главной составляющей — проектности.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ МОБИЛИЗАЦИИ

Таким образом, нет альтернативы идеократии. Причем сегодня даже неактуально обсуждать собственно содержательную ее сторону, ибо любая комбинация из классических идеологических схем способна работать на проект выживания и спасения национально-государственной идентичности.

Можно, конечно, спорить об удельном весе каждого из компонентов этой комбинации, однако подобные дискуссии в реалиях текущего момента просто бессмысленны. Понятно, что в основе такой идеократии — социальная ориентированность и обеспечение национальных интересов. Остальное же откорректируется по ходу дела.

Сегодня важнее другое: способ претворения в жизнь идеократического проекта, способ, которому предуготовано быть исключительно мобилизационным. Более того, в нынешних условиях способ становится и непосредственно самим содержанием грядущей идеократии. Ведь революция — это всегда мобилизация.

Лишь при мобилизации возможна деприватизация, без которой борьба с коррупцией и утечкой капиталов попросту бессмысленна. Очевидна и невозможность разрешить данную проблему в рамках действующего правового поля. Здесь требуются меры чрезвычайного характера. Оппоненты деприватизации полагают, что новый передел собственности чреват гражданской войной и паническим бегством за рубеж остатков капиталов. Однако именно мобилизация в состоянии придать деприватизации определенную гибкость и селективность. Ведь речь идет не о массовой экспроприации, а о формировании определенного общественного мнения, не оставляющего капиталу иной альтернативы, кроме социальной ориентированности. В конце концов рано или поздно капиталу придется поделиться. И мобилизация в этом случае — лучшая гарантия того, что такая деприватизация не окажется уделом коррумпированного чиновничества. Совершенно очевидно, что решительные действия в этом направлении поддержит подавляющая часть народа. Причем не только малообеспеченные, но и те представители мелкого, среднего и даже крупного бизнеса, которым не находится места на рынке, контролируемом все той же бюрократией.

Только мобилизация способна поддержать нашу наукоемкую промышленность, которая является уже даже не столько свидетельством членства России в клубе великих держав, сколько самой надежной и действенной гарантией роста культуры и образованности народа. Подобное тесное взаимное переплетение производственной и социальной сфер и есть наше постиндустриальное завтра, к которому мы так близко подошли в середине 80-х годов, а затем оказались отброшенными далеко назад. Однако и здесь ситуация не безнадежна, так как, несмотря на все передряги двух прошедших десятилетий, еще сохранилась наша главная ценность — люди, способные чуть ли не на пустом месте творить постиндустриальные чудеса. Но и тут опять-таки недостаточно одних лишь инвестиционных рычагов. Необходим настрой, своего рода пассионарный направленный взрыв, условия для которого способна подготовить лишь продуманная информационная политика, апеллирующая в какой-то степени даже к виртуальным образам, провоцирующая общественные дискуссии (к примеру, о вступлении России в ВТО). Колоссальные перспективы содержит в себе и фокусирование на многообразном отечественном опыте различных форм социальной организации труда. Взять хотя бы наукограды, в которых даже в советское время функционировали определенные рыночные механизмы.

Оппоненты мобилизации ссылаются на нехватку сил и средств для сколь-нибудь масштабного социального проекта. А когда в нашей истории мобилизация разворачивалась в благоприятной обстановке? Она ведь для того и нужна, чтобы создать условия, при которых станет возможной сама дальнейшая жизнедеятельность, а следовательно, появятся и необходимые для нее ресурсы. И эти ресурсы начнут накапливаться по мере разворачивания мобилизационного рывка. Да и национальная пассионарность, дремлющая в ситуации обыденной повседневности, незамедлительно проснется при первых же знаменьях начинающейся мобилизации и станет ее ядерным топливом. От власти требуется лишь сделать первый шаг, нарушить покой стагнационного болота, указать смыслы, ради которых надо потрудиться. Стоит только запустить мобилизацию, и в новой реальности окажется возможным то, что сегодня выглядит нереальным. Прямо-таки как в геометрии Лобачевского.

ТЕХНОЛОГИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Позволим себе здесь несколько необычную аналогию. Знаменитый физик и изобретатель Никола Тесла утверждал, что человечество буквально повсюду окружают неиспользуемые источники колоссальной энергии. Ученый имел в виду кинематический потенциал мира движения — от элементарных частиц до самой планеты Земля, которая вращается, а значит, может быть фантастическим генератором, дарованным людям самой природой.

Проецируя этот естественно-научный образ на социум, следует заметить, что и в окружающем нас космосе межличностных коммуникаций сокрыто бесчисленное количество дремлющих источников пассионарной энергии. Чтобы их «разбудить», необходимо создать определенное силовое поле — мобилизацию. Кстати, даже на благополучном Западе сегодня остро востребованы эти дополнительные источники человеческой энергии, которые «распаковываются» прежде всего в различных неформальных субкультурах, тяготеющих к тем или иным видам мобилизационной мотивации. Стоит ли говорить о том, какой богатый материал для возможной социальной инженерии в этом направлении представляют наши собственные неформальные субкультуры — от спортивных фанатов до завсегдатаев виртуальных чатов. А какую богатую пищу для размышлений о возможностях мобилизационного этоса дает опыт конструирования нетрадиционных общественно-политических объединений типа «Идущих вместе» и «Наших». Ведь даже за шквалом тотальной дискредитации этих структур в СМИ при желании можно разглядеть уникальный опыт культивирования в нетоталитарных условиях новой социально ориентированной личности. А сколько наработок в данной области, к примеру, у конфессиональных структур или ветеранских братств. Сама жизнь выдвигает на повестку дня разработку аналогичного прорыва в сфере профессиональных организаций. Работа на этом направлении позволит вырвать сферу трудовой мотивации из-под спуда бюджетной (да и шире — зарплатной) детерминированности. Это ли не поспание законов повседневности?

Часто приходится слышать, что народ устал от мобилизаций минувшего века и нуждается в мирном и спокойном обустройстве своей жизни. Да, действительно, народ заслужил достойную жизнь и никто не вправе его этого лишиться. Однако отказ от мобилизации не только не обеспечит достойной жизни, но и в принципе сделает проблематичным выживание значительной части населения России. Как это ни тяжело говорить, сегодня у нас снова нет выбора, кроме поддержки мобилизационного проекта.

Запад тяжело переживает ломку, вызванную приходом к власти нового класса. Наше же общество, никогда не обладавшее гражданской инфраструктурой и традиционно пребывавшее в состоянии правового нигилизма, способно гораздо спокойнее пережить вхождение в мир новых реалий, сотворенных глобальной революцией.

Есть и еще одно обстоятельство, способное сделать переход России к некоей собственной версии сетевого общества более человечным и органичным.

На Западе даже в эпоху Модерна гражданское общество продолжало сосуществовать с традиционными корпорациями. Причем обе эти социальные «упаковки» — каждая по-своему — должны были обеспечивать суверенитет парцеллярной личности. За несколько столетий оптимальный баланс был здесь найден. От социального одиночества личность защищалась в структурах гражданского общества, а от рутинного — в мире традиционных корпораций. Каждая из «упаковок» снимала свои «блоки», поддерживая не просто суверенитет, а су-

веренитет жизненный, креативный. Выпестованные же новым классом «хищные корпорации» уничтожили и ту, и другую «упаковку», насильственно вогнав личность, больше всего на свете ценящую собственную независимость, в жесткое коллективистское «гетто» унифицированных мотиваций и нивелированной веры. Агрессивность и кастовость новой «корпоративной культуры» — неизбежная плата за насилие над личностью, привыкшей к той или иной конфигурации собственной автономии.

На этом фоне крайне трудно представить себе, каким станет наше издание «архипелагов» новой «корпоративной культуры». Очевидно, что той ломки личности, какая происходит в аналогичных структурах на Западе, в российском варианте быть не должно хотя бы из-за того, что отечественный менталитет никогда не озабочивался проблемой обеспечения личного суверенитета. Скорее, даже наоборот. Вероятнее всего, грядущие российские сетевые «империи» станут увеличенной моделью ярко выраженного патерналистского коллектива. Или же горизонтальной мегаобщины — чем-то вроде тайной международной организации рабочих, изображенной в провидческом, но изрядно подзабытом сегодня фантастическом романе Мариэтты Шагинян «Месс-Менд».

Идеократия — это цель, для ее достижения необходим продуманный сценарий — большой социальный проект, который и станет альтернативной версией «бархатной революции». Если попытаться отыскать некие аналоги такого проекта, то можно усмотреть определенное сходство между современной Россией и Китаем кануна «культурной революции».

Сорок лет назад перед Великим Кормчим встала непростая задача сброса старого чиновничества, саботировавшего даже самые элементарные директивы и занятого лишь собственным обогащением. В результате «культурной революции» во власть были кооптированы новые управленцы, обеспечившие спустя четверть века рывок Дэн Сяопина.

Сегодня в России после фактической экспроприации главных и нелояльных режиму олигархов безраздельно господствует один-единственный субъект — коррумпированная бюрократия. Есть также и сила, способная ее заменить. Как это ни покажется парадоксальным, но данная сила порождена и выпестована теневой экономикой, легализовавшейся в начале 90-х годов. Это — класс менеджеров, управляющих, но не «царствующих», в отличие от британской королевы. А в России именно второе является непременным условием первого. Запад в свое время буквально выстрадал «революцию менеджеров». У нас же после нелегитимной приватизации на то же самое потребуются гораздо меньшие издержки. А если еще учесть крайне низкие (по сравнению с западными) претензии к уровню жизни и традиционно невысокую для России оплату труда, то условия для такого сценария — просто идеальные. И пусть идеологи сохранения статус-кво не твердят о якобы исчерпанном Россией лимите на революцию!

НА БЕРЕГУ РУБИКОНА

Однако самая сложная проблема чаемой революции — это проблема ее субъекта, лидера. По всем показателям им должен стать носитель верховной власти. Но сегодня, похоже, уже ни у кого нет сомнений в том, что действующий президент РФ просто не годится на эту роль.

Хотя не будем торопиться. В нашей истории есть примеры того, когда первые лица буквально перерождались, удаляясь в критическую минуту в Александрову слободу или обращаясь дрожащим голосом к внимающим радиорепродукторам «братьям и сестрам».

Да, минувшие пять лет прожиты не лучшим образом. Но еще не истек срок. В конце концов никому не закрыта дорога в «работники одиннадцатого часа». К тому же президент и сам не может не понимать, что у него, в сущности, нет выбора. Точнее, выбор жесткий. Либо отыграть отведенную ему роль «живой функции», «директора ОАО «Россия»», ставленника чиновничьей корпорации, постепенно и собственноручно сокращая свой властный ресурс, а затем сдать инвентаризованную страну кому-нибудь из предуказанных преемников. Либо возглавить революцию. В последнем случае действия Путина отнюдь не станут наивным донкихотством. Ибо у него есть и будет то, чего нет у его противников, а именно — ресурс верховной власти в «кратоцентрическом» обществе. Данное обстоятельство — даже в условиях резкого падения популярности — дорогого стоит. Нужно лишь подать обществу знак, и все прежние претензии и упреки будут в одночасье забыты. Безусловно, чтобы сознательно отказаться от стабильности и предсказуемости и возглавить крайне рискованный проект, которому отнюдь не гарантирован успех, требуется немалая решимость. Найдется ли она у действующего президента?

К сожалению, в общественном мнении проблема будущей роли Путина ставится механистически: пойдет он еще на один срок или нет. Хотя вопрос вслед за Виталием Третьяковым, пожалуй, надо ставить иначе: «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (См. «Политический класс», 2005, #5, 6.) Или еще точнее: «А какой Путин нам нужен?» И в зависимости от ответа можно будет говорить о привязке к тем или иным срокам. Ведь для нашего общества мертвая буква закона равным счетом ничего не значит, если вопрос встанет ребром — либо доведение до конца масштабного проекта, либо следование каким-то писанным формулировкам. Было бы ради чего, а легитимацию всегда можно найти. Мы — другие, и не надо считать наше правосознание ущербным. По крайней мере нам всегда будут казаться смешными и нелепыми обуревающие Запад феминистские страсти или возможность уголовного преследования по подозрению в сексуальных домогательствах.

Однако времени у президента остается все меньше и меньше. Тем более что вплотную приблизился август, традиционно отмеченный в новейшей российской истории как месяц потрясений и катастроф...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Подробнее об этом новом классе см. в интервью А.Некlessы «Мир на пороге новой геокультурной катастрофы»// Политический класс, 2005, #5. С. 63 — 70.*

2. *Распространенный в обществе взгляд на расстановку политических сил и кадровый состав группировок, складывающихся в России в контексте темы «бархатной революции», представлен на сайте www.intelros.ru многомесячным «народным рейтингом», прямо посвященным данной теме.*

Опубликовано в журнале «Политический класс», 2005, № 7.

Александр Неклесса*

ПОРАЖЕНИЕ РОССИИ

Нам предстоит размышлять о тревоге нашего времени. Мы должны понять наше время: это нужно, хотя бы для того, чтобы говорить на соответствующем ему языке. Тем не менее, нам следует ориентироваться не столько на самые яркие проявления нынешней эпохи, сколько на внутренний динамизм диалектики этой тревоги...

Поль Рикер

Глобальная революция на сегодняшний день достаточно затертый термин: ярлык, инициированный в свое время Первым докладом Римского клуба и успевший за прошедшие с 1991 года 14 лет обветшать, если не «пожелтеть», но, по моему разумению, в своей взрывной сущности *глобальной социальной революции* так до конца и не раскрытый.

Изменения, происходившие как в российском, так и в мировом сообществе, слишком часто описывались с сенсационной, спекулятивной точки зрения (преимущественно как новации во внешнеполитической либо технической сфере) и почти исключительно в конъюнктурном обрамлении сиюминутных обстоятельств, с практически обязательным противопоставлением прежнему, несовершенному порядку вещей. Иначе говоря, внимание фиксировалось скорее на ярких образах и деталях, на бросающихся в глаза признаках новизны, нежели на постижении ее сути и генезиса. Новизны, воплощаемой в жизнь некими безликими «кротами истории» — могучими движителями социальной природы.

В России с началом перестройки, в критический момент национальной истории, под эгидой официального оптимизма и лозунга «иного не дано» фактически вне *mainstream*² а публичной дискуссии, да и профессионального анализа оказалась реальная палитра переживаемого обществом момента истины — трансформационные хитросплетения, сложности и препоны. Страна, однако же, быстро соприкоснулась с ними, причем достаточно болезненным образом, синхронно вводя в русло открытой дискуссии, теперь уже надолго, прежде глухо звучавшие, а то и сознательно замалчивавшиеся, если прямо не подавлявшиеся, негативные обертоны.

Прошло несколько лет, и социо-политические сценарии уже жаростно обсуждались в диапазоне от «свершившегося вхождения в мировую цивилизацию» до «образования корпорации ликвидаторов великой России». Ретроспективно дискуссии подчеркнули — правда, скорее в публицистичном, нежели аналитическом ключе, а, главное, задним числом, — то реальное многообразие путей в будущее, которое открывалось перед страной на рубеже восьмидесятых и девяностых годов.

Что же касается целостного образа грядущего мира, архитектоники складывающегося на планете миропорядка, то и по сей день она во многом остается за горизонтом полноценного по-

---

* Александр Иванович Неклесса — заместитель генерального директора Института экономических стратегий, член Бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации. © 2006, А.И. Неклесса

литологического и философского осмысления, развернутого аналитического прогноза. То же можно сказать и об опознании главного механизма сотворения будущего — о темпераментной, тугой пружине перемен, лидирующем субъекте исторического действия.

Подобные материи на переломе тысячелетий оказались в значительной мере нерасшифрованными, скрытыми под флером общих фраз и пафосных рассуждений о научно-технической революции, набирающем темп прогрессе, наступлении эпохи постиндустриализма и информационного общества. Непонятая механика глобального сдвига, однако же, властно проявила себя в крахе советской империи, а реальное целеполагание элиты, несколько парадоксальным на первый взгляд образом, — в торжестве «животного идеала» на просторах стран-беспризорниц постсоветского помета. Но, как писал в свое время Карл Манхейм, «человек (а мы можем добавить — общество. — А.Н.), для которого не существует ничего, помимо его непосредственных обстоятельств, не является человеком» («Демократизация культуры», 1932).

Искусство социального действия меж тем интенсивно развивалось независимо от полноты осмысления возникающей реальности, побуждаемое необходимостью жить и эффективно действовать в стремительно меняющихся условиях, активным образом соучаствуя в трансформационных процессах. Порождая, в частности, поколение *высоких социальных технологий*, включая системы управления, основанные на таких инновационных принципах и подходах, как деятельность в условиях неопределенности, потоковые модели социума, концепции фазового пространства и контролируемого хаоса рефлексивный и матричный методы проектирования операций и т.п. В результате искусство проведения оперативных комбинаций, реализации тех или иных политических проектов заметно превосходит глубину постижения происходящей исторической трансформации.

Сегодня речь идет о пришествии нового влиятельного субъекта масштабного действия — о поколении динамичных общественных конструкций и разнообразных деятельных форм *антропологической организованности*. Не об организациях и тем более не об «учреждениях» в современном понимании, поскольку сам термин «организация» оказывается чересчур громоздким, не вполне уместным, неадекватным описанию нелинейной природы новых социо-организмов, их, порой тяготеющей к турбулентности, критической сложности. Именно инновационные *гибкие и сверхгибкие организованности*, которые не представляют собой ни учреждений, ни организаций в прежнем смысле этих понятий, являются источниками новой социальной среды, образчиками и проводниками (пост)современной оргкультуры, тем, что я называю, в частности, «амбициозными корпорациями», распыленными словно споры на просторах от Нового Севера до Глубокого Юга. Определяются подобные структуры и как «астероидные группы». К данному поколению социоконструкций вообще можно прилагать массу языковых новообразований — это открытое поле действия: простор для лексических набегов и театр семантических войн.

Но все же главная пружина перемен — новый постиндустриальный класс, причем речь идет не столько о его предтечах и агентах (хотя и о них тоже), сколько о созидателях и движителях совершающихся трансформаций. А заодно о глубинных мотивациях происходящего/производимого глобального сдвига.

Новый интеллектуальный класс — энергичное и яркое племя, явившее миру калейдоскоп своих прозрений и миражей где-то на пороге 70-х годов прошлого века. (Оставим пока за скобкой прагматичную и гротескную тень его предтечи — джиласовский «новый класс», да и всю противоречивую тему «марксизма без пролетариата».) Энергии социального переустройства ворвались в мир, породив массу впечатляющих явлений — в тот период, прежде всего в американской культуре, — феномены и тренды, которые ныне во многом определяют ландшафт общества не только США, но также Европы, Евразии...

Новое деятельное сословие, даже если не было до поры предметом бурных дискуссий (хотя, пожалуй, было: вспомним, к примеру, полемику, связанную с темами «революции менеджеров» или «восстания элит», а ныне политическую эквилибристику, разворачивающую вокруг «разноцветных революций»), то время полноценного обсуждения соответствующей проблематики за пределами замкнутых профессиональных групп, равно как и нового прочтения всей многообразной темы *глобальной социальной революции*, явно не за горами.

При этом, параллельно и вопреки процессам массовизации мировой среды, факторы сугубо антропологические, обретая все большую эффективность по мере усложнения социокосмоса, начинают вновь, как и в отдаленном прошлом, конкурировать/взаимодействовать с факторами социальными. Человек, расстающийся с психологией «подданного» и «гражданина», дей-

ствующий как транснациональный персонаж (вкуче с порождаемыми им антропологическими констелляциями), как существо автономное, а в пределе и суверенное по отношению к сложившимся структурам земной власти, — множественный и одновременно уникальный результат новейшей истории.

Так что именно о социальной, а не о постиндустриальной или информационной революции идет речь, о борьбе за ценности и архитектуру нового зона, о Революции с большой буквы, с грандиозными целями, оригинальными предметными полями, деятельными субъектами и творцами перемен.

АНОМАЛИЯ

Вопреки давно сложившимся стереотипам о творческом изобилии России и неисчерпаемости ее потенциала в данной области, меня с некоторых пор не оставляет ощущение интеллектуального и духовного оскудения, истощения страны. И, прежде всего, дефицит личностей и смыслов проявляется в сфере государственного строительства, политической философии, стратегической мысли.

Это, конечно же, осознается не только мною. Всякий национальный организм, в конечном счете, опирается на некое мировоззренческое обоснование и перманентное обновление энергий своего существования. Вокруг такого смыслового ядра концентрируются политика, экономика и все прочее. Если же гармония порушена, социальные связи ослаблены, то случается то, что у нас и случилось. Страна потерпела поражение не на суше и не на море. Пораженными оказались сама ее душа и сердце, а сумма социальных контрактов — сброшенной со счетов.

В России любят или, по крайней мере, до недавнего времени любили ссылаться на разбойничий период «первоначального накопления капитала», скажем, в Америке. Во многом это, конечно, лукавство или иллюзия. Реально Соединенные Штаты проектировали и строили (причем в определенном смысле «с чистого листа» — отсюда необходимость копить и создавать, а не делить и перераспределять созданное ранее) потомки тех особых людей, кто пересек океан на «Мейфлауэре», что, впрочем, совсем не исключало практичности и прагматизма, просто *«тень должна знать свое место»*.

Упомянутый выше Карл Манхейм отмечал: *«Существование элиты определяется не жаждой власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми»*. Именно такой элитой, *национальной корпорацией*, была вирджинская аристократия, и в результате родилась американская политическая философия, созданная и осмысленная когортой отцов-основателей, сотворивших не просто конституционное устройство очередного государства, но костяк социального организма, устремленного в будущее, проникнутого дерзновенным духом вселенского творчества. Как-то забывается, что социальное устройство Америки формировалось еще до Великой Французской революции, в значительной мере повлияв затем на судьбы и Франции, и Европы, и, как мы видим сейчас, всего мира.

В качестве контрпримера приведу пример страны, вначале не называя ее. Есть в мире огромная территория, в геокультурном отношении принадлежащая Западу, населенная деятельными людьми и обладающая фантастической природой. Но вот в истории роль ее как-то несопоставима ни с размерами, ни с численностью населения... Речь идет об Австралии, государстве-континенте, почему-то кажется, имевшем шанс на создание собственного исторического проекта, но этого, однако, не произошло. В чем дело? Ответы могут различаться. Возможно, определенную роль сыграла как раз история заселения континента на этот раз не идеалистами-пуританами, видящими перед собою Богом данные пространства для созидания нового мира, но совершенно иной породой людей.

Очевидно, что сегодня в России нет «смыслового строительства», отсутствует *национальная доктрина и декларация* — стратегическое проектирование ее исторической судьбы, что, конечно, не исключает определенных *замыслов* и политических интриг правящего слоя. Суть проблемы меж тем в дефиците совершенно иного регистра национального целеполагания и строительства... По-прежнему, хотя и глуше, слышны разговоры об удвоении ВВП, экономических и административных реформах, выплатах/невыплатах/повышении зарплат бюджетникам, что, однако, на практике не приводит ни к сокращению высокого уровня смертности, ни к ликвидации резкого разрыва в уровнях доходов населения. А если речь заходит *«о*

доблестях, о подвигах, о славе» — это всегда апелляции к прошлому, иногда весьма почтительно и в прямом, и в переносном смысле слова, отражением чего оказывается двусмысленная сентенция: *«У России одно великое будущее — ее прошлое...»*.

Мир тем временем становится сложнее и динамичнее, а вопрос о национальной судьбе более чем злободневным — ведь под сомнением оказалось само право: историческое, метафизическое, да просто право России на существование в качестве значимого и суверенного субъекта новой исторической полифонии и мирового концерта держав. Примеры критических мнений об участии и перспективах России в XXI веке приводить не буду, они с некоторых пор стали достаточно многочисленными. Нельзя слишком долго жить на ренту, проживать наследство, гордиться прошлыми заслугами и строить благосостояние на сокровищах, которые зарыты в твоей земле.

Цивилизация имеет определенные мировоззренческие корни, сакральные тексты, на которых зиждутся ее претензии на существование в настоящем и право на будущее. Из Писания мы знаем: когда возникала критическая ситуация в том или ином народе ли, городе, Бог обещал пощадить негодных, если Ему будет предъявлено некоторое, пусть минимальное, число праведников. Сейчас это воспринимается как притча. Пусть так. Но остается вопрос: наберется ли в России минимальное число людей, которые могут оправдать ее бытие в качестве суверенной, оригинальной державы, чье присутствие на планете обогащает также других представителей рода человеческого?

Однако если подобное право обосновывается только прошлыми заслугами, безбрежными просторами, природными богатствами, а элита определяется лишь по близости к владению и управлению материальными ресурсами, то разговор ведется из совершенно иного культурного измерения, где отсутствует понимание необходимости для государства иметь некую миссию, равно как для личности — предназначение. Коль скоро нужно образное сравнение, представьте огромную яму, до краев заполненную водой, которая, ссылаясь на размер и наличие мокрой субстанции, мнит и представляет себя морем...

Последние годы я несколько неожиданно для себя начал играть в своеобразную игру: просил друзей и знакомых, а заодно и не слишком знакомых людей написать двенадцать фамилий россиян, которые могли бы сегодня, в XXI веке, предстать на подобном метафизическом суде свидетелями защиты. Правда, в силу собственной профессиональной ориентации, я несколько сузил круг поиска. И поскольку обычно действие происходило во время различного рода интеллектуальных посиделок, то слово выбрал «мыслители» и просил сделать список 12 *мыслителей* современной России. Слово смущало. Никто не сумел составить полного списка, не прибегнув ко всякого рода оговоркам и длительным паузам. А большинство останавливалось после нескольких дежурных фамилий.

Ситуация заинтриговала. И после декабрьских выборов 2003 года возник проект ИНТЕЛПРОС («Интеллектуальная Россия»), одна из целей которого — проведение комплексной экспертизы: рейтинга *социо-гуманитарных мыслителей* страны; сразу же соглашусь, что выбрано было не лучшее словосочетание. Однако хотелось ввести высокую планку — «мыслители», и одновременно ограничить разговор какой-то важной, но вместе с тем внятной, конкретной сферой: в нашем случае, теми людьми, которые размышляют (и публикуют свои мысли) о судьбах страны и мира на том историческом вираже, где застало нас время. Амбициозная задача проекта, говоря словами Антонио Грамши: *«нарисовать интеллектуальную и моральную карту страны, то есть очертить крупные идейные движения и центры..., учитывать новаторские устремления»*. Сверхзадачей же является восстановление связи социальной и политической философии с прагматикой, породившей на рубеже веков, к примеру, такой социальный феномен, как *политтехнолог*.

Результаты изысканий пока не слишком утешительны с точки зрения открываемой картины. Организаторов рейтинга часто критиковали за состав итогового списка социогуманитарных мыслителей, забывая, что выбор делался из нескольких сот фамилий номинантов Экспертным советом, представляющим руководителей российских профильных средств информации, иначе говоря, людей, знакомых со значительным количеством современных текстов в данной области. А открываемая картина есть своего рода «момент истины» состояния мыслящего сословия России и представлений о нем у значительной части держателей информационных ресурсов страны. С выводами экспертизы, осуществляемой в несколько этапов, можно ознакомиться на официальном сайте Группы ИНТЕЛПРОС — www.intelpros.ru. Там

же размещены и «правила игры» — регламент проведения рейтинга, а также полный, поименный список членов Экспертного совета, иная сопутствующая информация.

С каждым новым кругом экспертизы мы стремимся совершенствовать ее, оттачивая с помощью опытных социологов процедуру. Речь идет уже не только об ансамбле признанных солистов в хоре. Последняя версия опроса в значительной мере ориентирована непосредственно на создаваемые здесь и сейчас тексты — другими словами, опубликованные только за последние полтора года (2004–2005). Тут сказывается опыт перманентных нестыковок с обветшавшей картографией интеллектуального ландшафта, с вьезшимися в сознание стереотипами репутаций, принадлежащих скорее прошлому веку (это порой касается весьма квалифицированных экспертов/номинантов, да в определенной мере и всех нас). Как-то одного известного в экспертном сообществе специалиста, выступавшего по телевидению, ведущий спросил о его трудах последних лет. Возникла неловкая пауза...

ГЕНЕЗИС

У кризиса, переживаемого сейчас не только Россией, но, пусть и в других формах, также на Западе, кажется, весьма глубокие корни. В мире, где мы обитаем, существует два космоса: один — физический; он, несмотря на ускоряющееся разбегание галактик, достаточно инерционен, и речь пойдет не о нем. Существует иной, ближний нам космос — социальный, который создается людьми, определяющими его аксиомы, законы, траектории движения, принципы устройства, основываясь на господствующем мировоззрении, взглядах на смысл бытия и жизнь человека. И время от времени меняющими их, подчас довольно резко.

В принципе, в настоящий момент имеются три основные концепции, объясняющие происходящее. После 11 сентября 2001 г. Фрэнсис Фукуяма заявил в одной из статей¹, что локомотив Модернити несется столь быстро, что сметает все на пути, отсюда кризис, т.е. кризис в том, что модернизация мира резко ускорилась. У многих тезис вызывает серьезные сомнения, хотя бы потому, что вряд ли можно назвать модернизацией происходящее, к примеру, в Ираке или в Афганистане.

Другую популярную позицию, объясняющую усиление нестабильности и рост кризисных ситуаций в мире, вроде бы можно подвести под тезис Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций (что зачастую и делается). Однако и с подобной оценкой также трудно согласиться, поскольку на планете фактически господствует одна цивилизация — Модернити, втянувшая в себя прочие значимые культуры, которые ведут текущие споры, пусть с теми или иными специфическими отклонениями, но на едином, признанном и внятном для всех языке.

Я полагаю, что истинный оппонент нынешней цивилизации Модерна — это новый бродильный фермент (пост)современности, некая неопознанная культура, идущая к нам «из будущего», а точнее продуцируемая из глубин истории и подсознания.

Кризис рационализма, даже если это кризис одной из его форм, не проходит бесследно. Человечество переживает культурный шок, рождающий свои химеры. Прежняя культура — культура Нового времени — находится в состоянии системного упадка и разрушения, причем непростая коллизия ее институций сопряжена, в частности, с неосознанным возвратом к спорам и аргументам, доносящимся из времен становления в Западной Европе городской цивилизации; скажем так, из Парижского университета далекого XIII века и даже раньше...

Теодор Адорно писал в середине прошлого века о явном для него кризисе сложившихся форм ментальности и схем интеллектуальной деятельности. В своей знаменитой «*Негативной диалектике*»² Адорно отмечал, что конкретное превосходит общее, а схематизирующие реальность модели принципиально дефектны и потому с какого-то момента превращаются в недействительные и разрушительные. Дальнейшие шаги по этому пути совершила в последующие десятилетия когорта французских философов-деконструктивистов, а затем исследователи проблем хаососложности.

Мир — не состояние, он процесс. Если вы основываете свои действия и целеполагание на социальных моделях, которые одновременно псевдоуниверсальны (ибо являются следствием обобщения опыта прежних ситуаций) и конъюнктурны (зависят от точки зрения наблюдателя и принятой им идеологии), то в какой-то момент обязательно окажетесь в ловушке. Еще важнее — динамичный и непериодический характер жизни, самоорганизующаяся сложность, в которой мы обитаем. Мир постепенно перестает соответствовать привычным, редуцирую-

щим реальность прописям, причем с какого-то момента значительно. И человечество либо начинает его мистифицировать, либо продолжает искать утешение в досужих, но утративших адекватность реальности стереотипах. Поскольку, говоря откровенно, для людей, воспитанных в рамках сложившейся культуры, происходящие судьбоносные события все чаще демонстрируют качества анонимности, враждебности, а заодно — театральности.

Специфическая ментальность человека Нового времени — основы которой были заложены еще воспринятым в свое время Европой аристотелизмом (точнее, аверроизмом) и закреплены впоследствии эпохой Просвещения — уводила человека от великой сложности бытия. Проясняя, *просвещая* сознание, сокрушая традиционалистские дебри и языческие кумирни, линейная, причинно-следственная ментальность, будучи эффективной и прагматичной, одновременно воздвигала невидимый забор между реальной, *критической* сложностью мира и, как оказалось, человеческой, слишком человеческой методологией его исследования. А заодно и выработанной за столетия, «канонизированной» моделью мироустройства: этой, как сейчас выясняется, погремушкой истинного порядка вещей.

С какого-то момента пространство внутри заботливо воздвигнутого забора оказалось, однако, сплошь вытопанным. Стали множиться противоречия, конфликты. И подросшие люди потянулись заглядывать за ими же выстроенные ограничения в поисках иной формулы рациональности и другого смысла/замысла реальности. Вернувшись, таким образом, к полемике и ментальным кодам, столь характерным для истоков цивилизации Большого Модерна. Обновление методологии познания и действия, его востребованность и притягательность, во многом были предопределены казусами, парадоксами прорывных достижений естественных наук, что в свою очередь предопределило экзотику философских, да и социальных, метаний XX века.

Устройство мира оказалось более сложным, нежели гармоничным или какофоничным, выяснилось, что оно *иное*, что истоки его лежат вне привычных человеческих мерок и представлений. По крайней мере, характерных для культуры, развившейся за последние несколько веков, и соответствующих моделей человека, общества и природы. Вместе с тем социальная история последнего столетия, наряду с тенденциями развития массового потребительского общества, все настойчивее декларировала, что люди, если формулировать тезис в терминах современной культуры, — *переменные, способные к независимому перемещению*, и потому создают неисчислимы поля вероятностей. Или, говоря другими словами, освобожденный социум потенциально представляет некое подобие фазового пространства. При этой, кажущейся, на первый взгляд, непреодолимой неопределенности бытия, человечество, тем не менее, оказывается способным и к глубокому замыслу, и к долгосрочному, масштабному по своим последствиям действию.

Так прежняя европейская культура с интеллектуальными и социальными производными вступила в полосу великого кризиса, оказавшись на перекрестке расходящихся троп, сводимых воедино где-то вдали неведомым до поры аттрактором.

Переход к нараставшему на протяжении XX столетия пониманию гораздо более сложного характера окружающей нас реальности, практики и структур повседневности оказался все-таки достаточно неожиданным для просвещенного общества. Композиция жизни, балансирующей на грани хаоса, с трудом поддавалась прочтению либо не поддавалась вообще, в особенности, если исследователь так или иначе продолжал ориентироваться на прежний круг «аксиом». Хаос обитает там, где находятся рубежи наших возможностей.

История последнего столетия демонстрирует нарастающий кризис прежнего порядка вещей. Складывающаяся на глазах реальность требует радикального обновления методологии познания и действия — о чем речь шла выше — на основе примата интенсивной практики. Отличительными свойствами которой являются *динамизм* (турбулентность, энергичность), *критичность* (предельные состояния и их трансценденции), *нелинейность* (вероятность значительных изменений в короткие сроки). Но для этого нужны иные, нежели в меру христианизированный аристотелизм, формы рефлексии, другие мировоззренческие и философские корни.

Происходит заметное усложнение состояния и проявлений мировой среды, однако — неравномерное, указанием на что и является кризис: угроза коллапса всей системы, свидетельствующая об уплощенном и порушенном состоянии ряда частей сообщества, их ригидности и неадаптивности, чреватых переходом в системную деструкцию и аномию. В свою очередь высокая адаптивность, способность к самоорганизации, самоисцелению и энергичному развитию общества есть следствие его «цветущей сложности» и внутреннего многообразия.

В период революционного разрушения прежнего порядка на поверхность выходят хаотизированные процессы. В этих условиях сложная и многообразная система выживает, абсорбируя турбулентные проявления, а при удачном стечении обстоятельств — использует их как ресурс. Иначе говоря, если простая социальная система не выдерживает взаимодействия с хаосом, сложная не выносит автаркии, интеллектуальной и моральной депривации, упрощения и скудости.

Преодоление прежнего распорядка открывает простор для *антропологического*, личного воздействия на сложные процессы, ибо не столь важен характер действия, сколько сам его факт, последствия же — в значительной мере непредсказуемы (неопределенны). Иллюзия внешнего порядка — ментальная проекция определенной идеологии, упрощающей, «останавливающей» реальность, в то время как доминирующая в мире турбулентность (энергичность тварного мира), преодолевая обозначенные человеком пределы, выплескивается в различные трансфигурации и трансформации сообщества.

У нового образа мира — отразившего, словно разбитое зеркало, критичность самой жизни, подлинный динамизм и драматизм бытия — существенно меняется семантика, но при этом практически отсутствует категориальная лексика. Хорошая иллюстрация: события 11 сентября 2001 г. Сейчас практически с равной степенью убедительности можно говорить, что теракт провели исламские экстремисты, американские спецслужбы, израильтяне, европейцы, транснациональные организации и т.д. И у каждой из подобных точек зрения найдутся свои квалифицированные сторонники. Попытка же скрупулезно описать происходящее наталкивается на те или иные лакуны.

Язык перестает адекватно отображать реальность. Это означает, что мир вновь приобретает черты анонимности. Ибо, если на один вопрос находится десяток ответов, чаще всего это означает, что ответа, как такового, нет вообще. Вы не понимаете, что происходит в мире, а просто *рассуждаете* об этом, ибо рассуждать стало жизненно важной привычкой. Тем временем социальный космос стремительно приближается к состоянию Большого Взрыва, который, возможно, породит совершенно новую антропологическую вселенную.

КОНТЕКСТ

Россия в настоящее время является не субъектом, а скорее объектом в системе мировых связей, причем — что создает дополнительные сложности — объектом сразу нескольких проектных комплексов, включая закрытые. Однако картография данной сферы вряд ли может быть прочерчена двумя—тремя векторами стратегий: (пост)современное политическое поле напоминает, скорее, ломберный или, так сказать, «покерный» столик, нежели классическую шахматную доску.

Более или менее на виду американский проект, который выстраивает, в частности, *другую*, «дополнительную» Европу. Проектируя ее как противовес прежней, континентальной конструкции или, точнее говоря, в качестве рычага для атлантической, проамериканской, ориентации Евросоюза.

Другими словами, есть Европа, которую мы понимаем как континент *«поросших мхом каменных плит истории»*, чья целостность возрождалась одновременно с муками объединения Германии (что было, однако, далеко не всем по душе), и несколько версий будущего Евросоюза. Сейчас — частично в рамках Евросоюза, этого потенциального глобального конкурента американскому мессианизму (одна из возможных версий), — складывается специфическая «Европа-2», конструируемая на основе Балтии, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Объективно она размывает границы и целостность Евросоюза, являясь, как отмечалось выше, своего рода балансиrom по отношению к политическим конфигурациям и честолюбивым замыслам европейской элиты, которая оказывается, таким образом, в ситуации цугцванга: либо отказа от сложившейся формулы Евросоюза, либо ее коренного переосмысления, на что, как минимум, уйдет драгоценный стратегический ресурс — время.

В результате, сегодня, как в период холодной войны, да, пожалуй, и до нее, — хотя на иной основе, — на континенте складываются две различные ипостаси европейского концерта, приходящего в замешательство в результате первых же репетиций нового состава оркестра.

Постсоветское пространство и Россия-РФ шаг за шагом втягиваются в этот генеральный проект. Вопрос, правда, каким образом они туда вписываются проектировщиками и застрой-

щиками Новой Европы: вместе или раздельно. То есть поток бархатных революций, формирующий карту *другой Европы* — по сути, образования проамериканского, — прочерчивает, в конечном счете, свой вектор непосредственно до Китая. В рамках данного проекта американцы не заинтересованы в распаде России-РФ, но при условии признанного, устойчивого отмежевания от имперских поползновений на восстановление советского мира, а также определенной стилистической реконструкции.

В многомерном — скорее многомерном, нежели многополярном — политическом контексте присутствует и европейский (западноевропейский) замысел с собственными темами и вариациями, нацеленными на поиск стратегических/конъюнктурных союзников, не всегда, правда, выставляемых напоказ. Атлантическое сотрудничество-соперничество с американским «кузеном», на поверхности представляющееся более-менее гладким, в глубине сплошь усеяно острыми подводными рифами. Но, помимо хитросплетений подспудной борьбы, существуют иные направления, включая рассматривавшуюся в свое время возможность, причем сразу в нескольких проекциях, союза с Россией. Или особые отношения с миром ислама, либо более изоциренный, но одновременно прагматичный вариант — система разнообразных стратегических координат и далеко уходящих связей с обширной, транснациональной мусульманской диаспорой.

Кроме того, мы подчас забываем о социальной и политической онтологии, различной даже у генетически близких, на первый взгляд, миров. У тех же Соединенных Штатов принципы перманентной революции, строительства нового мирового порядка, мессианизм заложены в основах их политической и правовой культуры. Образно говоря, американская культура, в отличие от европейской, склонна питаться не столько токами прошлого, сколько энергиями будущего. *«Наша страна со всеми ее институтами принадлежит народу, населяющему ее. Если народу надоест существующее правительство, он может воспользоваться своим конституционным правом и изменить его политику, или использовать свое революционное право, чтобы заменить часть министров, или даже полностью сместить правительство»*, — слова эти принадлежат главе государства — американскому президенту Аврааму Линкольну.

Именно на подобной философии строится сейчас Америкой идейный и политический каркас *«глобальной демократической революции»*, включающий тезис о естественном праве народов на свержение тираний. Сегодняшние «бархатные революции» на этом фоне смотрятся как разведка боем обширного политического и исторического замысла. Схожие принципы, кстати, не менее ясно прописаны в «Декларации независимости США»: *«...когда длинный ряд злоупотреблений и насилий... свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа»*³.

Вудро Вильсон, американский президент-провидец, чье изображение находится на банкноте США высшего номинала, еще в начале прошлого столетия открыто провозглашал пришествие (причем не вполне добровольное) нового мирового порядка: *«Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...»*⁴. Он обозначал цели мировой политики в выражениях, которые звучат для нас, современников Ирака, Афганистана, Балкан и всевозможных «разноцветных революций», вполне привычно и даже слегка банально. Но эти слова в свое время потрясали и шокировали современников. Так, 4 июля 1918 года Вильсон призвал к *«уничтожению любой деспотической державы, где бы та ни находилась, которая могла бы самостоятельно, тайно и по собственному усмотрению нарушать мир во всем мире, а если таковая в настоящее время не может быть уничтожена, то она, по крайней мере, должна быть приведена в состояние полнейшего бессилия»*⁵. И еще один знаменательный его тезис: *«Мы не ограничиваем нашу горячую приверженность принципам личной свободы и беспрепятственного развития лишь теми событиями и переменами в международных делах, которые имеют отношение исключительно к нам. Мы испытываем эти чувства всегда, когда имеется народ, пытающийся пройти по трудному пути независимости и справедливости»*⁶.

Другое проектное древо наших дней по-своему альтернативно предыдущему. Китай, рассчитывающий максимально использовать исторический шанс своего слабо сдерживаемого извне роста (что уже проявилось в, практически, беспрепятственной реализации программы стратегического ядерного вооружения страны), в настоящий момент озабочен скорее энерге-

тической, нежели глобалистской, проблематикой. Обретая высокотехнологичную экономику, КНР остается промышленно-индустриальной державой: новая «промышленная мастерская мира» в не столь уж отдаленном будущем (по оценкам специалистов — к 2030 году) может стать основным потребителем энергетических ресурсов планеты⁷.

Пекин, однако же, серьезно опасается «энергетической гипоксии», которая, действительно, пусть пока и в косвенных формах, постепенно реализуется. Это быстро растущие цены на нефть, политическая проблематичность выстраиваемых и планируемых нефтегазовых цепочек (как морских, так и сухопутных), трудности, испытываемые при строительстве уже согласованных нефтепроводов, ведущие к возможности разрывов в сроках стратегических поставок, т.е. к нарушению энерго-индустриальной гармонии развития...

Кстати, сюжет с Ходорковским начал развиваться параллельно со спором о конечном пункте российского нефтепровода от Ангарска: Дацин или Находка. ЮКОС, в то время монополю поставивший российскую нефть в КНР, выступал за китайское направление (способное обеспечить экспорт в Китай от 20 до 30 тонн сырой нефти в год). Проблемы возникают сейчас и вокруг казахской «нитки» Восточного нефтепровода, которую тянут в Китай. В ответ КНР, несмотря на неудачи, наподобие попытки купить «Славнефть», старается диверсифицировать географию своей зарубежной нефтяной собственности (от Сахалина и Индонезии до Казахстана и США), отдавая при этом явное преимущество близко расположенным странам и месторождениям. Китай одновременно создает тридцать атомных энергоблоков мощностью по гигаватту каждый, планирует вложить несколько сот миллиардов долларов в гидро-электроэнергетику, закупает и развивает технологии производства искусственного топлива (в 80-е годы применявшиеся в ЮАР, в период нефтяного эмбарго страны). Таким образом, Пекин последовательно выстраивает собственную долгосрочную стратегию, но действовать старается в «мягкой стилистике».

Так что в нынешних обстоятельствах, наверное, нужно говорить не столько о российской политике в отношении Китая, сколько о масштабных планах КНР по обустройству своей геэкономической, политической и стратегической безопасности. Сейчас, кстати говоря, страна установила хорошие отношения с Индией, урегулировав ряд серьезных приграничных проблем. (Но и у Индии, отмечу для полноты картины, есть собственные версии стратегического партнерства.) Определенная группа российской элиты ориентируется на китайское направление, рассчитывая на некие гарантии, прежде всего, своим финансовым капиталам.

Кроме того, Восточная Сибирь и Дальний Восток через некоторое время могут стать не вполне жизнеспособными, их придется кем-то заселять. Скорее всего, заселять будут через иммиграционные пункты, и тогда в Россию переместится некоторая часть китайского образованного класса. Возникает контур разделения экономического и социального пространства страны на два макрорегиона, питаемых из различных источников и населенных разными культурными и этническими группами.

Следующий круг сценариев сплетает нити предыдущих проектов вокруг пространств Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского направления. Наверное, следует упомянуть также о проблеме Поволжья и Южного Урала, о стратегических аранжировках гипотетического российского коридора Юг—Север в его различных версиях. Кроме того, для Америки было бы соблазнительно использовать исламский и российский факторы, чтобы в той или иной форме окружить и потеснить стратегического оппонента — Китай. Но, с другой стороны, возможно и парадоксальное, на первый взгляд, прагматичное сотрудничество Китая и ислама, оппозиционное по отношению к сложившейся формуле мирового истеблишмента и прямо ориентированное (в рамках стратегического союза с уйгурской элитой) на Центральную Азию. И, быть может, кажущийся еще более парадоксальным вариант — стратегическое взаимодействие Соединенных Штатов и КНР. Или Евросоюза и Китая против «глобального, неважно пещерного или высокоиндустриального, варварства». К тому же сама Америка давно не едина, ее элита в значительной мере расколота, а будущее связано с серьезными социальными, идентификационными, демографическими изменениями.

Подобные рассуждения, хотя и с определенными оговорками, основываются на предположении о продолжающемся доминировании в (пост)современном мире таких субъектов, как национальные государства или их коалиции, пусть и нанизанными на мировую властную вертикаль. При этом за рамками рассмотрения остаются уже не раз, хотя и вскользь, упомянутые, но, пожалуй, не ставшие от этого более внятными влиятельные организованности ста-

рых глобальных и новых, транснациональных, только еще нарождающихся «диаспор». А также других динамичных, связанных со сценариями управляемого и *управляющего* хаоса, масштабных корпораций и кланов...

Находящаяся в становлении система мониторинга и контроля над глобальными социальными процессами строится на заметно иной управленческой платформе и реализуется иными группами властной координации, нежели публичные политики и национальные корпорации. Здесь много общего с такими темами, как восстание элит, трофейная экономика, территории смерти, связь квазистабильности одних регионов и режима управляемого хаоса в других. Здесь же истоки основного конфликта XXI века: между «техникой» и «деньгами», между силовыми возможностями *бегемота с совестью* и управленческим могуществом *левиафана глобализации*, (мифоисторический конфликт за финальную гегемонию между «змеей» и «волком»).

Иначе говоря, рядом с более-менее традиционными и внятыми проектными комплексами проступает тень глобального оппонента драматургии прежнего акта исторической пьесы, нависающая над цивилизацией, корректируя в ходе спонтанных и организуемых турбулентностей реализацию основными игроками новых «длинных сюжетов».

Все это — тот кипящий бульон, в котором варится современная Россия. Но в критический момент своей истории страна оказалась лишена не только политической субъектности. Приходится повторять уже сказанное: нет у нее в XXI веке ни долгосрочного сценария (лишь колоссальное лернейское болото разнообразных, порою противоречивых проектно-оперативных интриг), ни реальных центров национального стратегического планирования, ни соответствующих компетентных кадров. Силы ушли в основном на замыслы, связанные с удержанием и перераспределением состояний и власти, на политические игры с региональными и иными элитами. В результате политические институты вырождаются, партийные превратились в род шоу-бизнеса — ожившую карикатуру на прежние замыслы и идеалы.

И что, может быть, даже важнее, нет у России-РФ своего внятного, адекватного времени, национального ли, имперского или иного, устремленного в будущее и объективно оценивающего настоящее *языка*. Лишь ставшие нормой дежурные, картонные фразы, канцеляризм, нечленораздельность, вызывающая хохот, меняющиеся на ходу «благие намерения», демагогия, болтовня, кривляние (как сказал бы Достоевский, «*познавшее и принявшее мир братство во грехе, пороке и убожестве*»), поскольку у люмпен-элиты напрочь отсутствует неперменная основа связной, заставляющей затихать зал и вызывать подъем чувств государственной речи — политическая философия, мировоззрение, нравственное чувство, метафизика.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Первое — возможно, на планете возникнет еще одна, соответствующая духу времени, сумевшему сочетать тенденции массовизации и индивидуации, транснациональная версия христианской культуры *странников и пришельцев*, тех многих *двоих и троих*, для которых «*всякая чужбина — отечество и всякое отечество — чужбина*».

Другой вариант: христианский мир как система определенной культуры и устройства социума (мировоззренческого обоснования его основ) подходит к концу, и на планете возникает некое постхристианское общество, *Мир игры*, безмерно повышающий ставки, по-своему оценив риск безумия, смерти и бытия.

Третье предположение, может показаться экстравагантным: не исключено, что в мире энергично возрождается «новая религия», а на деле вполне определенная, хотя и мозаичная древняя культура. Она вечный спутник христианства, его «темный двойник», и это — многоликая гностическая традиция, т.е. вышеупомянутую неопознанную культуру постсовременности я опознаю как возрождение гностицизма.

Возможен и четвертый вариант: вышеперечисленные тенденции реализуются одновременно в виде эклектичного «социального коктейля», который ставит мир и жизнь ни во что.

В чем, однако же, тут «уголек»? Гностическая культура в принципе отрицательно относится к жизни как таковой, рассматривая акт уничтожения бремени земного бытия как освобождение. Ее метафизика сводится к массовой гибели и тотальной деструкции, поскольку люди содержат в себе божественные искры, которые могут-де быть освобождены лишь посредством уничтожения тел.

Покойный папа Иоанн Павел II в свое время в окружном послании *«Евангелие жизни»* говорил об экспансии в мире «культуры смерти», являющейся логическим следствием концепции общества, где «важнейшим критерием является успех». Культуры, декларирующей «свободу “сильнейших”, направленную против слабейших, обреченных на гибель»⁸. Речь шла о складывающейся на планете новой культурной обстановке, о меняющемся отношении общества к преступлениям против жизни и о соответствующей мутации социальных норм.

«Заговор против жизни» не ограничивается криминальной сферой — убийствами, откровенным геноцидом, прямым причинением физических и нравственных страданий, торговлей людьми, рабством. Он включает в себя также легитимацию эвтаназии, аборт с повышением возраста плода (хотя есть данные, что это уже мыслящие существа), социальный геноцид и стерилизацию по социальным мотивам, все, что нарушает целостность человеческой личности и оскорбляет человеческое достоинство. В меняющемся контексте сейчас по иному звучат рассуждения о биоэкспериментах, могущих иметь следствием сокращение жизни на Земле (в частности, в восточно-азиатском регионе), о биотехнологиях, создаваемых как в рамках армий и спецслужб, так и вышедших за пределы государственного контроля и разрабатываемых в недрах частных социальных организмов. Наконец, актуальным компонентом подобной «структуры греха» становится новый терроризм — что бы под этим ярлыком ни подразумевалось — теоретически способный продемонстрировать свою деструктивную эффективность на совершенно ином уровне.

Из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния возникают заповедники новой природы, отмеченной трупными пятнами на окропленной слезами, потом и кровью земле. Почва этих «территорий смерти» — из суммы горстей праха, зажатых в кулаках преждевременных агоний и миллионных конвульсий. Но суммарное зло нищеты, междоусобиц, войн, циничного презрения к достоинству человека, когда-то признанному цивилизацией, равно как и безнадежная ярость глобальных фавел и гарлемов — все это не единственные источники темной страсти. У культуры смерти есть более глубокие аспекты⁹, которые не просто переворачивают иерархию ценностей, но прямо выворачивают наизнанку присущую современному человеку траекторию жизни.

Культура смерти — это выходящая в наши дни из глубин подсознания в пространства общественной жизни тяга части человечества к массовой деструкции и автодеструкции. Тяга, носящая порою почти иррациональный характер, однако умело использующая разнообразные достижения цивилизации и проявляющаяся в широчайшем диапазоне: от имеющих высокотехнологическую основу событий 11 сентября 2001 года до квазитрайбалистских волнений в осенней Франции 2005 года и нарастающей на протяжении последних лет эпидемии террористов-самоубийц...

«Одни верят в жизнь, другие — в смерть. Я верю в смерть», — слова «живой бомбы», которой помешали произвести взрыв. Шаг за шагом культура смерти обретает глобальный размах и одновременно конкретный смысл. Сейчас это не только *«война сильных против бессильных»*, но и *«слабых против сильных»*, а в перспективе — *«всех против всех»*. В мире складывается универсальное пространство операций по контролю и распределению уникального товара на глобальном рынке: ресурса смерти. А соответствующую культуру я толкую как реализацию, формализацию и социализацию иерархии ценностей, имеющей конечной целью проведение высокоэффективных действий, направленных на уничтожение человека.

Для большинства современных обитателей Земли жизнь и карьера — почти синонимы, их целью обычно являются комфорт, деньги, власть: иначе говоря, то, что укладываются, вроде бы в конструктивные, хотя порой незатейливые формы существования. Но в отринувшей житейский флер культуре смерти, вершина карьеры — амбициозная гибель, потенциально с невиданными прежде последствиями, по сравнению с которыми разрушения Всемирного торгового центра или Пентагона могут показаться разбитыми елочными игрушками. И это не пустая геростратова амбиция, темное дерзновение скреплено совершенно иным чувством, которое не требует ярмарочного признания во внешнем мире.

Ситуация между тем не столь однозначна, какой она может показаться на первый взгляд: *«...я не могу ничем так послужить любимому делу, как смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь»*. Это слова не современного шахида, а Джо Брауна, *«чье тело в земле, а дух — на небесах»*. И даже еще глубже, переходя в метафизические измерения бытия: *«Дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои*

земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне, говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью». Здесь битва разворачивается уже в иной среде, в ней участвуют люди иной природы, равно отвергающие мир, но порой преследующие при этом диаметрально противоположные — как противоположны любовь и ненависть — цели.

Но если общественная страсть, лежащая в основании этого мира, т.е. безудержная человеческая энергичность, бессознательное влечение к социальному творчеству, стремление к преодолению пределов несовершенного естества, к культуртрегерству и мессианизму той или иной версии *«симфонии для всех жителей планеты»* покинули душу цивилизации, пропитавшейся стремлением к индивидуальному комфорту и личной безопасности; если «духи рынка» оставили ее загнивать, постепенно превращаясь в корыто всеядного потребления и «райский хутор» коммерческого расчета, это еще не означает, что страсть вообще покинула землю. Страсть не погибает: падение одних служит наглядным уроком другим, вызывая одновременно и сострадание, и презрение. Пройдя сквозь регресс и перерождение, страсть обретает другие формы своего выражения (вспомним деструктивную энергетику «Бойцовского клуба» или «Королевской битвы II»). Новая земля творится сейчас не ангелами, и «ночь творения» исходит из очагов хаоса, из головокружительных глубин отчуждения, которые уже отчасти познаны человеком.

Теперь не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Возникающая в различных точках земли новая порода людей, лишенных прежней идентификации, и яростная субстанция их страсти — заря иного мира, опаляемого темным светилом. Мира, согласившегося воспеть гимн Чуме, восславив деструкцию как основную, конечную и желанную цель творения. Истоки подобной метафизики находятся за пределами нашего тварного космоса, возможно, она соткалась в черных провалах «Вселенной смерти», поэтически — хотя и с тайным ужасом, требующим невообразимого жертвоприношения, — воспетых Владимиром Лефевром. И эта (полу)скрытая поэтика тотальной, универсальной деструкции, посылает нам своих, перепоясанных смертью вестников.

Однако, предворяя трагический образ вздернутого на дыбу человечества, флюиды раскованного Прометея проявляются также в других, не менее радикальных, хотя не столь драматичных трансформациях практики. Войдя в резонанс с меняющимся привычное русло временем, они существенно модифицируют социальную среду, подтачивая ее установления, институты, меняя привычные коды и траектории действия. В (пост)современном космосе формируется галактика новых организованностей — в том числе уже упоминавшихся выше *амбициозных корпораций*. Свобода сильнейших концентрируется в пучках амбиций конкретных личностей, симпатизирующих друг другу и когерентно взаимодействующих на путях достижения некой сфокусированной вдали цели. Причем цели, которые подобные личности и корпорации ставят перед собой, далеко не исчерпываются экономическими параметрами, речь идет о дальних границах и высотных горизонтах сетевых трансэкономических систем.

К подобной культурно-политической смеси метафизического экстремизма и гротескного реализма все чаще добавляются экзотические энергии и ценностные компоненты, исходящие как из традиционных религий, так и из чрева нетрадиционных практик либо из эклектичного парагностического источника. Национальные корпорации, еще недавно чувствовавшие себя полноценными хозяевами на площадках собственных государств, поколебались и надломались. Из щебня рухнувших социальных конструкций и обломков прежних элит складываются транснациональные астероидные кланы, которые, подобно изгоям глобальных Помпей либо лабиринтообразной Трои, устремлены в подернутую дымкой неизвестность и смертельно ранят встречающиеся на пути планетарные тела иных стран и весей. Поскольку, так или иначе, они уже пережили неустойчивость родной почвы и отделение от собственных «планет-государств».

Постепенно в мире выстраивается иерархичная, и в то же время нелинейная и динамичная система управления, частично принятая к исполнению, хотя основана она на не вполне познанных принципах и вовсе неизвестных, по крайней мере, публике, ценностных иерархиях. Мы наблюдаем лишь сияние отдельных звезд и созвездий — этих «статичных» элементов меняющегося положения вещей — в виде, скажем, разноликих международных регулирующих органов, нависающих над мозаичным сообществом национальных государств, но все это лишь фрагменты картины, видимые сквозь стущающиеся тучи пепла.

Впрочем, национальные государства очевидным образом сохраняются, однако их исключительное прежде положение и полноценная релевантность социальной практике подорваны, местами — парализованы. Этаж за этажом над прежними субъектами международных отношений выстраивается другой мир: вертикаль вселенского Олимпа и турбулентная среда Новой Лапутании (или Нового Карфагена), — на летучих островах которого прежние игроки заключают странные сделки, образуют экзотичные альянсы и выстраивают химеричные союзы. Что же касается игроков новых, то, поскольку какая-то особая заинтересованность в социальном позиционировании у них нередко просто отсутствует, они так и остаются анонимными, неопознанными субъектами действия.

В дополнение к начертанной на рушащихся опорах современности огненной скорописи «мене, текел, упарсим» хочу добавить лишь одну тезу.

Безусловно, все вышесказанное в лучах обыденности вполне может выглядеть гротескной, алармистской страшилкой, почти карикатурой. Будничность и привычный ход вещей, структуры повседневности и здравый смысл, да просто конвенциональность — все это очевидные барьеры на пути рвущихся из бездны сил и заодно возможности лицезреть их чужеродный, незнакомый облик. Когда-то я писал, что история напоминает структуру гена, ибо у нее две составляющие, одна из которых «предписывает» устойчивость, а другая — подверженность мутациям. Об инерционности масс и культур уже шла речь, но разговор велся и о том, что в мире существует такой фермент, как свободная личность, рискующая заглядывать в подсознание, исследовать собственную природу, индивид, в значительной мере существующий вне земного поля власти. Причем персона эта владеет в наши дни необыкновенным инструментарием — организационным, информационным, финансовым, инфраструктурным, техническим, технологическим, — которым человек не обладал никогда прежде в истории.

Сегодня, как и раньше, люди различных дерзновений могут формулировать — на той или иной основе — долгосрочные проекты, искать симпатизантов, источники ресурсов, реализуя намеченные цели. Однако теперь они обладают не только всегда доступным человеку шансом, но также уникальными, эффективными, остро отточенными инструментами. По мере освобождения человечество неизбежно должно столкнуться лицом к лицу с собственной свободой...

Я думаю идущее сейчас к власти четвертое сословие в чем-то сродни первому: и как его продолжение, ветвь, и как карикатура, извращение. Конечно, речь идет о крайних, пограничных позициях.

Я думаю также, что в эклектичном интеллектуальном классе заложено в зародыше нечто большее, нежели «основное противоречие наступающей эпохи», хотя и это тоже. Иначе откуда родиться простому как «да» и «нет», «черное» и «белое» такому *житейскому* классовому конфликту, привычно драматизирующему социальные проекты сообщества? Причем с обеих сторон общественной иерархии. Но есть в этой дилемме бытия — всегда ощущаемой, однако различным образом толкуемой человеческой дихотомии — нечто большее: здесь кончается долина и начинается предгорье, тут обретаются предел падения и вершина восхождения и даже возможность сверхдолжного возвеличивания человечества.

Это два крайних состояния души и *догадывающегося* интеллекта, а иначе сказать, две породы (природы) нового класса — его основная внутренняя коллизия, источник разделения, исторический, или уже метафизический, движитель. Они столкнутся, в конечном счете, продвигаемые своим основным инстинктом и прочувствованным эсхатологическим нетерпением, связанные последним конфликтом истории, обрушив преграду перед вожаемой, желанной целью каждой из сторон. Исход конфликта определит судьбу человечества, но не в смысле его будущности, а как пробу на благородство металла, брошенного на миг в чан с царской водкой, чтобы выявить затем в некотором, прошедшем сквозь горнило остатке весомость и смысл всего прожитого бытия, его главную, тайную страсть или любовь.

И все же, каким лицом новый класс повернется к России? Ведь и для нашей страны этот класс не является абстрактной гипотезой. Он активный субъект и деятельный персонаж всего меняющегося мира. И он стремится к власти. Его конфликт с мировоззренческими, политическими, экономическими, культурными представлениями уходящей эпохи предопределен генетикой истории и потому неизбежен. Как неизбежно столкновение со структурами,

защищающими прежние представления. Умножающиеся на постсоветском пространстве «майданы» — лишь отблески грядущих пожаров глобальной социальной революции.

Спротивление старого мира, умелые, энергичные действия его защитников и институтов способны растянуть, заглушить либо, напротив, обострить, подогреть разгорающийся конфликт. Как показывает история России, предпочтение в стране традиционно отдавалось подавлению и уничтожению конкурента. Но, повторюсь, если право на историю обосновывается лишь былыми заслугами, просторами и богатствами, а элита определяется не по признаку своего качества, а по близости к власти и материальным ресурсам, живя соответствующими интересами, значит, в правящем классе напрочь отсутствует понимание необходимости для государства иметь миссию, равно как личности — предназначение. Тогда этот строй не имеет исторической перспективы, и под политикой он, скорее всего, понимает искусство хитросплетенной интриги. Обеспечит ли подобный строй мысли и политической культуры достойную будущность России?

Прежняя Россия живет под дамокловым мечом, хотя сроки можно растягивать, как пружину или гармошку, но не беспредельно, а вплоть до кровавой раны в лоб. И социально активной личности предстоит выбрать свою сторону баррикад в грядущем или уже идущем сражении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Francis. Fukuyama. *Has History Started Again?* // *Policy (Winter)*, *The Center for Independent Studies*, St. Leonards, 2002.

2. Теодор Адорно. *Негативная диалектика*. — М.: Научный мир, 2003.

3. См. ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия. — 2005. №1. — С.66.

4. Цит. по: Генри Киссинджер. *Дипломатия*. — М.: Ладомир, 1997. — С.40.

5. Там же. — С.41.

6. Там же. — С.36.

7. В 1990-е годы потребление нефти в стране выросло на 10 %, а добыча — на 2 %. Китай добывает примерно 160 миллионов тонн, а потребляет — 200. К концу десятилетия КНР придется импортировать порядка 90 млн. тонн.

8. Папа Иоанн Павел II. *Окружное послание Evangelium Vitae (Евангелие жизни) о ценности и нерушимости человеческой жизни*. — Париж-Москва: Русская мысль — Издательство «МИК», 1997. — С.35.

9. Подробнее я разбираю эту тему в статье «Культура смерти», опубликованной в журнале «Интеллектуальная Россия» №1 за 2005 год.

